

УРААА
УНИВАЕРСА

15
03/10

Рецензент — Е. П. Дубровин

Составитель — Ф. И. Вибе

КАК УКРОТИТЬ СЕМЕРИКИНА?

(вместо предисловия)

Известно, что насмешки боится даже тот, кто ничего не боится. В нашей организации работал один человек, назовем его Семерикиным. Был он удивительным склочником. Допустим, издает начальник отдела приказ: «Такой-то объявить благодарность за хорошую работу». Семерикин тут как тут. «Благодарность объявлена неправильно. Я — голос общественности. Если я не скажу вам правду, то кто тогда скажет? Вы объявляли ей благодарность потому, что она ваша любовница!»

Немая сцена, инфаркт, инсульт, инвалидность.

И так каждый день. Пробовали Семерикина укротить и так и этак. Ничего не помогает. Наконец нашелся человек, который сказал: «Я укрошу Семерикина». Естественно, ему не поверили.

И вот однажды на собрании этот человек попросил слова и сказал лишь одну фразу: «А Семерикин-то голый!». В том смысле, что он дурак. И теперь при появлении Семерикина сам собой возникал смех. Через месяц «правдолюбец» уволился из нашего учреждения и вообще уехал из города...

Велико значение острого слова. Трудную, ответственную, порой неблагодарную профессию избирает себе сатирик. Высмеивая человеческие пороки, негативные стороны нашей жизни, он всегда обязан помнить: перо сатирика должно быть направлено точно в цель, и эту цель необходимо поразить любыми средствами (имеются в виду художественные средства).

На Урале сложился боевой, довольно многочисленный отряд сатириков и юмористов. Многие из этого отряда известны далеко за пределами региона, другие только учатся. Но их, если так можно выразиться, «курсовые работы» тоже любопытны. Разнообразие стилей, манер, приемов, образов, тем делает сборник интересным, полезным и нужным.

Берегись, Семерикин!

ЕВГЕНИЙ ДУБРОВИН,
главный редактор журнала
«Крокодил»

11925-2
Верещагинская ЦСБ
Пермской области

У68

Урал улыбается: [Сборник /Сост. Ф. И. Вибе]. — Челябинск: Юж.-Урал. кн. изд-во, 1983.— 163 с.

45 к. 50 000 экз.

Второй коллективный сборник уральских сатириков и юмористов, выходящий в Южно-Уральском книжном издательстве. В него вошли лучшие произведения, опубликованные в журнале «Урал» и других изданиях в последние годы.

У 70302—052 30—83
М 162(03)—83

ББК 84P7
P2

© Южно-Уральское книжное издательство, 1983.

Владимир Печенкин

Писатель из Нижнего Тагила. Автор нескольких книг вполне серьезной прозы, в том числе фантастической повести «Два дня Верить» и одной книжки юмористических рассказов.

РАЗГОВОР В УНИВЕРМАГЕ

Зашел я как-то в универмаг. Поглядеть, нет ли чего дефицитного. Чего-нибудь вроде брюк. А то в нашем городе в последнее время брючный вопрос сильно заужен.

Ну, по отделам прогулялся, на витрины посмотрел, на стенную роспись. Культурненько все. В современном стиле: бетон, стекло, пластмасса и пыль по углам. В общем-то, красивое оформление.

Нашел мужской отдел. Тут жилеты различные, куртки-модерн, балахоны заграничного типа. Пиджаки есть. Но по части штанов жидковато. Есть, правда, ковбойские джинсы с карманами для пистолетов. Но у меня нет привычки таскать с собой пистолеты, да и джинсы мне в коленках жмут. Среди всей этой роскоши продавщица стоит, милостивая такая молоденькая девушка. Спрашиваю ее:

— Товарищ продавец, нет ли у вас штанов поимпорт-
нес?

Молчит. Смотрит в окно крашеными глазками.

— Мне бы, — говорю, — сорок восьмой размер, будьте добры.

Она никакого на меня внимания.

«Эх, — думаю, — прошли мои золотые годы! Когда был молодой и неженатый, так не то что рядовые продавщицы, директорши дарили мне улыбки. А теперь вон девушка и по долгу службы не смотрит...»

И стало мне несколько обидно. И сказал я продавщице:

— Нехорошо с вашей стороны так относиться к покупателю. Это недостойно звания работника торговли.

Мне показалось, что девушку все же малость задело, потому что глаза у нее чуток потемнели. Но тут встряла какая-то дама:

— Ах, — говорит, — эти мужчины! Выпьют лишнее, и пристають не то что к женщинам, а вот даже к манекенам!

— Позвольте, — говорю я даме. — На кого вы намекаете? Выпивать мне не позволяют жсна и больная печень. Могу на вас дыхнуть, ежели не верите. И кто это пристаёт к манекенам?

Она говорит:

— Да разве ж вы не видите, что это манекен? А продавщица вон там стоит.

— Простите, — говорю, — я думал, наоборот. Тут трезвый не сразу сообразит, которая где. Они обе неподвижные и одинаковыми красками раскрашены.

Тогда эта дама убедилась, что я не выпивший, а только в магазинных вопросах неопытный. Объяснила мне что к чему.

— Которое смотрит на покупателя, это называется манекен. А которое на часы глядит, это уже продавщица, она следит, когда ее рабочее время кончится.

— Мерси, — говорю я даме. — А вам, девушка, товарищ живой продавец, довольно неприлично было молчать, слыша мой оживленный разговор с манекеном.

Она отвела на секунду взор от часов и сказала:

— Вы ж не ко мне обращались, так чего придираетесь.

Дискутировать с ней мне расхотелось. Так и ушел от нее без брюк.

ЛОДЫРЬ КАК ПОЛЕЗНЫЙ ЧЛЕН КОЛЛЕКТИВА

Мы с Ваней Кусачкиным ремонтировали токарный станок.

— Как думаешь, успеем до конца смены? — спросил я.

— Вряд ли. С растаками-то помощниками...

Наши помощники, два мордастых и гривастых парняги, сидели в сторонке на швеллере и болтали о модах будущего года. Мы несколько раз пытались втянуть их в трудовой порыв, но ничего у нас не вышло.

— Муторно смотреть на них, бездельников, — сердился Ваня. — Вот как возьму гаечный ключ да как их...

— погоди, — сказал я. — Воспитывать надо не гаечным ключом, а вежливым вниманием, доверием и прочей такой гуманностью. Эй, глубокоуважаемые помощники, будьте добры, сходите в инструментальную за электроделью.

Вежливость всегда производит исключительный эффект: оба парня сразу поднялись и ушли. И больше мы их не видали.

— Интересно, для чего на производстве держат лодырей? — рассуждал Ваня. — Какой от них прок?

— А вот давай спросим мастера. Иван Макарыч! Для чего применяются в промышленности лодыри?

Мастер подошел и озабоченно оглядел станок.

— Давайте, милье, давайте! Сегодня станок чтоб крутился! А то другие участки токарными изделиями задерживаем. Придется вам сегодня на часок-другой задержаться после смены. А? Лодыри-то? А как же без них. Вот было приказано отправить людей на уборочную — кого я пошлю? Вы тут нужны, а от них даже и не худо отдохнуть. На эстафете бегать, на физкультурные мероприятия, на стройку десять человек требуют — опять кого? Опять их.

— Так они и там не работают, а еще больше разбалтываются.

— А уж там за них не я отвечаю. Нет, без лодырей никак нельзя. Вот хоть начальника цеха спросите.

— Ну как, орлы, кипит работа? — бодреньким голосом кричал начальник цеха, подходя. — Давайте, нажимайте, чтобы сегодня же был порядок, а то мне начальство голову снмет. Что? Для чего лодыри? Так в принципе их у нас и быть не должно. Их надо перевоспитывать.

— Пробовали. Но слова не действуют, а реальных мер...

— Нет-нет, только без реальных мер! А то они, знаете, народ обидчивый, лодыри-то. Чуть что — заявление на расчет.

— И пусть. Не будут мешать — скорее план выполним.

— Това-арниш, да мне, что ли, нужны лодыри? Мне они вот как надоели! Но если они уволятся, тогда штатные места окажутся незанятыми. И тогда управление урежет штаты. Значит, сократится и фонд зарплаты. Нет, что вы, без лодырей не обойтись. Так вы, ребятки, уж доделайте сегодня станок. По десятке премии вам выхроню — за счет тех же лодырей.

Начальник и мастер ушли.

— Выходят, лодырь — полезный член коллектива, — сказал Ваня. — Раз такое дело, давай-ка посидим, покурим.

Корреспондент газеты «Вечерний Новосибирск». Учасъ в Уральском государственном университете, воспользовался близостью редакции журнала «Урал» и занес туда первый рассказ. С тех пор и печатается.

ТО ЛИ ЕЩЕ БУДЕТ

Нашего нового соседа я увидел на следующий день после его вселения. Он весело шел по двору, бодро мурлыкал: «То ли еще бу-у-дет, то ли еще бу-у-дет...» — и нес скрипку.

«Любитель музыки», — уважительно подумал я.

Назавтра я снова встретил его. Он опять напевал: «То ли еще бу-у-дет...» — и нес альт.

«Ого, — подумал я. — Видно, тут дело серьезней простого увлечения. А вдруг он солист филармонии?» И я с уваженным пометром посмотрел ему вслед.

Потом были два выходных дня, и я его не встречал. А когда в понедельник снова столкнулся с ним, то, признаюсь, просто удивился. Напевая свос неизменное: «То ли еще бу-у-дет», — он тащил виолончель.

«Похоже, что он коллекционер, — решил я. — Да, каких только хобби не бывает! Все же это лучше, чем у чудака из пятой квартиры, который винные этикетки собирает. По крайней мере, не так вредно для здоровья».

В том, что сосед — коллекционер, я окончательно убедился на следующий день, когда стоял, вжавшись в стенку на площадке четвертого этажа, а он, красный от патуги, хрипя неизменно: «То ли еще бу-у-дет...», — волочил к себе в квартиру контрабас.

Когда еще через дель двос молодых во главе с соседом протащили мимо моей квартиры печально зве-

дующую арфу, я воспринял это как должное. Сразу же на стенкой три голоса, сопровождаемые импровизацией на арфе, грянули: «То ли еще бу-у-дет...» Из этого я заключил, что соседу также не чуждо и коллекционирование винных этикеток. В тот же вечер я, благодаря соседке, отлично передающей все немногочисленные шепоты и обертоны его голоса, узнал, что рядом со мной живет не лауреат международных конкурсов и не знаменитый коллекционер, а просто труженик фабрики музыкальных инструментов.

— Арфа — мелочь, — сказал он грузчикам, — по мимо нее проходить все же не стоит, потому что она в хозяйстве как-никак пригодится.

Затем он поведал, что может запросто достать три четверти симфонического оркестра. Вопрос только в машине, которая могла бы эти инструменты перевезти.

Вскоре машина действительно пришла. Но не та, которую сосед ждал... На довольно продолжительное время соответствующее учреждение ваяло на себя заботу как о пропитании, так и о личных вещах пашего коллекционера.

Когда сосед возвратился, милиция помогла ему устроиться на завод, где самым мелким изделием был мостовой край. Могло ли тут, среди гор металла, свободно развиться какое-нибудь хобби?

Но, видимо, трудности только закаляют характер. Однажды вечером я услышал мощный рев моторов, скрежет и лязг. Такой шум могла бы произвести эскадра звездолетов внеземных цивилизаций при посадке на землю. Но когда шум на секунду стихал, можно было отчетливо услышать знакомый припев: «То ли еще бу-у-дет...»

Я выглянул в окно. Во двор динозавром вылезал шагающий экскаватор.

Петр Сергеевич Кудыкин полноценно отдыхал после напряженной трудовой недели в своей собственной квартире, лежа на своем собственном диване. С чувством глубокой нежности он вспоминал ароматный и сочный мясной пирог, который приготовила к ужину его собственная жена и который теперь, деловито урча, перерабатывала его же. Петра Сергеевича, собственная пищеварительная система. Безмятежное спокойствие мягко разливалось по всему его здоровому телу. Впереди было два выходных, и от предвкушения этих двух выходных жизнь казалась прекрасной и удивительной.

Но вдруг извилины его мозга взбудоражила внезапная мысль:

«А главного-то ведь так и не узнаю!»

И он включил телевизор.

Передавали выпуск новостей.

— ...диктаторский режим Кошмарни, — взволнованно читал диктор, — совершил очередное злодеяние, расправившись с демонстрантами...

«Там, в Кошмарни этой самой, сейчас, наверно, погода что надо. И солнце светит!» — с тихой ненавистью к диктаторскому режиму подумал Петр Сергеевич.

— ...землетрясением, происшедшим в четверг на Милых Черепаховых островах, — читал диктор очередное сообщение, — разрушены административный центр и двенадцать прилегающих деревень.

«Землетрясение! У меня и без землетрясения скоро все подетит», — пристально изучая пересекающую потолок трещину, сделал далско идущий вывод Петр Сергеевич.

— ...отважный мореплаватель-одиночки, — читал диктор дальше, — готовится к новому рискованному путешествию через Атлантику...

«Ну сколько, можно за душу-то тянуть, изверги! — по-

терял терпение Петр Сергеевич. — Давайте скорее про самое главное!»

— По сообщениям бюро прогнозов, завтра в городе и в окрестностях без осадков, — сообщил долгожданную новость диктор. — Ветер слабый, температура утром шестнадцать, днем двадцать два — двадцать пять градусов.

Уф-ф! На душе Петра Сергеевича сразу сделалось как-то легко.

«Эх, и отведу же я завтра душу! За всю дождливую неделю отведу! Весь день «козла» во дворе забивать буду!»

Александр Куличкин

Сотрудник газеты «Вечерняя Пермь». Ежедневно из-под его пера выбегает ручеек черных чернил и складывается в реплики, фельетоны, судебные заметки. Иногда ручеек голубеет, и тогда возникают юмористические рассказы...

ЧЕРНАЯ ПАНТЕРА

Это же бешеная неделя. Гастролеров понаехало. Город парализован. По телефону не дозвониться, в трамвай не пробиться. Все созваниваются, договариваются, едут. Подхожу на остановку. В страшных муках ловлю такси.

— К музею увезешь? — спрашиваю.

— На меня достанешь парочку — увезу.

— Парочку чего? — удивляюсь, хотя сам понимаю, чего.

— Ты же сам понимаешь, чего, — говорит.

Я говорю:

— У меня только директор зоопарка знакомый.
— Вот через него и достань. Ты же к нему вообще-то и едешь.

Такой молодой попался и такой провинциальный. Ему бы в ОБХСС работать.

Приезжаю в зоопарк, говорю директору:

— Ваня, мне бы медведя...

— Черного или бурого?

— Лучше белого — он больней кусается.

— Белого не могу. Уже забрали.

— Что же мне делать, Ваня? Очень надо...

— Хочешь обезьянку? Насовсем.

— Дай лучше пантеру. Когти у нее как? В рабочем состоянии?

Пока тащил проклятую, все руки об нее исцарапал. А в такси она стала сидение грызть.

— Вообще-то ее надо было в багажник, — сказал шофер. — Но уж ладно. Ты мне, главное, достань, а сидение жена заштопает.

Водитель он первоклассный. Пантера его без передыху хвостом по глазам хлещет, а он правила движения соблюдает.

— У меня, — говорят, — дома такая же черная кошечка, только поменьше. И не ест ничего. Я ее на комодержу. Копилка.

И вот подъезжаем мы к тому самому зданию. Народу — курочке негде снестись.

— Придется, Вася, помочь, — говорю шоферу. — Как бы нашу кошечку не затоптали.

Взяли мы ее на два поводка и пошли. Вася как рывкнет: «Бойся!» — так все сразу шарахаются. А потом оглядываются и шарахаются еще дальше.

Секретарша в приемной даже взвизгнуть не успела, смотрим — она уже руками за люстру уцепилась, да еще и ноги в брючках поджала.

Вхожу в кабинет.

— Мне бы по четыре билета на все, что будут показывать.

— Не могу, — отвечает администратор. — Самому ни одного не осталось.

Тогда я кричу:

— Вася, входите!

Вошла наша кошечка, вытерла лапы о ковер...

Тут я замечаю, что администратор не то что за люстру не хватается, а не бледнеет даже, глазом даже не моргнет. Но к сейфу пошел все же. А сейф здоровый — в полкабинета. Все билеты на пятьдесят лет вперед там хранятся, наверное.

Подзывает он меня к сейфу, открывает... И лежит там здоровенный белый медведь и храпит. Дремлет, то есть.

— Пришлось холодильник к сейфу подключить, — доверительно прошептал администратор. — Так что зря свою кошечку побеспокоили...

И тут меня осенило.

— Слушай, — шепчу тоже, — так ты, наверное, Ваню знаешь? Директор зоопарка. Я от него.

— Так бы сразу и говорил! — заулыбался он.

В общем, все обошлось благополучно. Познакомились мы с ним — я и Вася. Билеты достали.

Только секретаршу жаль. Ее, бедную, снять смогли только с люстрой: намертво вцепилась. Так пока и работает с люстрой в руках.

Михаил Воловик

Заместитель главного инженера Уфимского моторостроительного завода и в то же время автор 20 книг поэтической сатиры. Владелец целой коллекции различных удостоверений, где грамота о присуждении звания заслуженного рационализатора РСФСР хорошо уживается с членским билетом Союза писателей.

ЧИНОВНИК И ПОЧИН

Хоть и должен был по чину
Чин способствовать почину,
Но, без видимых причин,
В стол упрягал Чин почин.
Жить спокойно, — чин по чину, —
Без почина легче Чину.

ТРУД И СЛАВА

Куску необработанному стали
Хотелось знатной стать деталью.

Что сбудутся мечты,
имелись все приметы:
Металл мог плугом стать,
Мог частью стать ракеты.
Для этого пойти б ему под молот,
Изведать жар печи,
узнать закалки холод...
Но он себя особенным считая,
Решил:
— Всем прочим не чета я!

Коль захочу, то как-нибудь
Найду короче к славе путь!
Тут в уголок он ловко закатился
И там живет, ржавея и брюзжа:
«В наш век прославиться нельзя!»

Пока он жалуется слезно,
Его друзья причаливают к звездам.

Андрей Копырин

Студент Свердловского архитектурного института. Показательно, что его карикатуры не прямолинейны, а проекты, наоборот, не выглядят карикатурами.

Феликс Виле

Свердловский писатель-юморист, автор пяти книжек юмористических рассказов, редактор отдела сатиры и юмора журнала «Урал», много смеется по долгу службы.

ТРИ МАТЕРИАЛЬНЫХ ПОМОЩИ

Начальник модельного цеха Семен Кузьмич Пудвачов допустил слабость. К нему забежал как всегда запыхавшийся профсоюзный лидер Селиванов и предложил:

— Семен Кузьмич, сегодня последнее в этом году заседание цехкома, а деньги на материальную помощь не все израсходованы. Давайте мы выпишем вам оставшиеся двадцать рублей. Пригодятся на бензинчик.

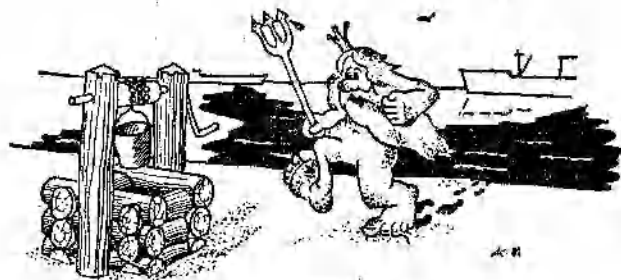
Это он намекнул на пудвачовский оранжевый «Москвич», обычно ожидавший хозяина у ворот цеха.

Семен Кузьмич заколебался. С одной стороны, вроде бы неудобно. Но, с другой, какой дурак откажется от неожиданно прихлынувших двадцати рублей? Тем более ничейных и как бы горящих? Словом, Пудвачов согласился...

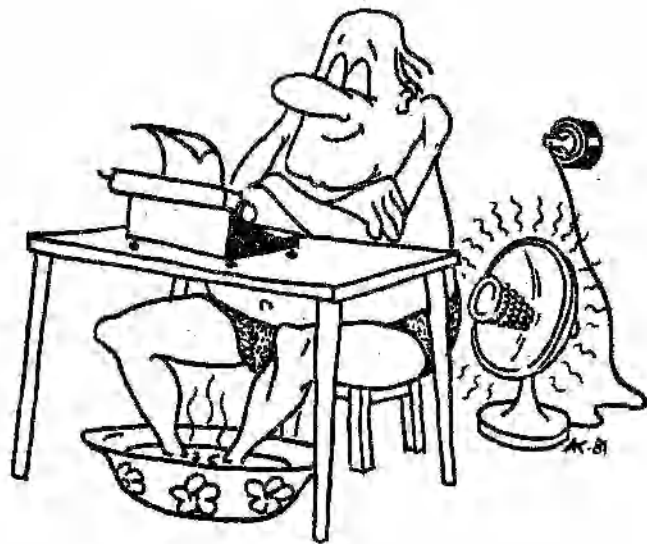
Деньги, как обычно, быстро растаяли — таково свойство презренного металла, — и Семен Кузьмич о них, как говорится, и думать забыл, как вдруг наступил час расплаты. Монументально возвышаясь в президиуме цехового профсоюзного собрания и внимая вполуха докладу председателя Селиванова, он вдруг услышал:

— ...Всего за отчетный период оказано три материальных помощи: многолетнему столяру Несытых, матери-одиночке уборщице Маловой и начальнику цеха Семёну Кузьмичу Пудвачову.

Хотя доклад читался в обычной манере монотонных усыпляющих подвываний, Семёну Кузьмичу показалось,

... СПИНА ЧУВСТВОВАЛА ЛАСКОВОЕ ПРИКОСНОВЕНИЕ СОЛНЕЧНЫХ ЛУЧЕЙ, А ТЕПЛАЯ МОРСКАЯ ВОДА ПРИЯТНО ОБВОЛАКИВАЛА ТЕЛО...

что посвященный ему абзац прозвучал как оружейный выстрел. По залу эхом пронеслись недоуменный ропот и смешки. Пудвачов готов был просто разорвать Селиванова вместе со всей его профсоюзной документацией, но потом здраво решил, что в подобных делах лучше молча проглотить пилюлю, не поднимая, как говорится, волны. Так он и поступил.

Однако история имела свое продолжение. Где-то через месяц Семен Кузьмич, сидел, ничего не подозревая, на заводской профсоюзной конференции. Сидел рядом с Анфисой Павловной, экономистом соседнего цеха, можно сказать, красивейшей женщиной завода. Пудвачов был в ударе, и после одного из удачных комплиментов обратившись к нему ушко Анфисы Павловны чежно зарделось. Именно в этот момент до шалуна и его дамы допелось сообщение ревизионной комиссии:

— По модельному цеху оказано три материальных помощи: многодетному столяру Несытых, матери-одиночке уборщице Маловой и начальнику цеха Семену Кузьмичу Пудвачову.

Анфиса Павловна обратила свои прекрасные глаза к Семену Кузьмичу, и олустошитель общественной кассы прочитал в них, что отныне в списке ее знакомых он занимает место где-то рядом с соседским котом, имеющим гадкое обыкновение мяукать по утрам в коридоре...

Через несколько дней начальник цеха увидел в городской газете статью «Куда идут профсоюзные средства?» Без труда он отыскал в ней до боли знакомый абзац: «Три материальных помощи, например, оказаны в модельном цехе...» Затем Семен Кузьмич услышал свое имя сначала по радио, а потом и в телевизионной передаче. Он стал бояться включать электроутюг, ему казалось, что и оттуда в любое время могут раздасться слова: «Три материальных помощи, например...»

Последний удар нанес Семену Кузьмичу директор завода. На очередной планерке, где, как обычно, началь-

ники цехов с увлечением занялись переключиванием друг на друга тяжелой гири ответственности за отставание, директор неожиданно сказал:

— Прошу все службы учесть критику и вовремя представлять в модельный цех Пудвачову все необходимое, оказывать ему, так сказать, м-а-т-е-р-и-а-л-ь-н-у-ю п-о-м-о-щ-ь.

Вечером в этот день Семен Кузьмич решительно потребовал у своего сына-второклассника дневник. Найдя в нем двойку, полученную еще на прошлой неделе, он достал ремень и всыпал незадачливому ученику по первое число...

Не будем осуждать родителя за излишнюю суровость: каждому ведь хочется, чтобы наши дети росли умнее нас!

СЛУЧАЙ В РЕДАКЦИИ

Дверь отдела литературы редакции газеты «Время и пламя» открылась, и вошел очередной посетитель. Это был человек юношеского склада, стремительный в движениях, с длинноватым носом и в современных бакенбардах. Волосы у него тоже были на нынешний манер — давно не стриженные и кудрявые.

«Завивается, нет?» — подумал, гася папиросу, заведующий отделом Матвей Матвеевич.

Впрочем, улыбка вошедшего заведующему понравилась. Она была пронизательная и в то же время как бы немного извиняющаяся. По сути дела, улыбка гения.

— Заходите, дорогой мой, садитесь, — сказал Матвей Матвеевич, — и доложите нам честно, что с вами стряслось?

Надо сказать, что в редакции «Время и пламя» с некоторых пор утвердился игривый тон в разговоре с посетителями. Очевидно, это была реакция на царив-

шее здесь еще совсем недавно казенно-бюрократическое.
«А вы по какому вопросу?»

— Да вот, стихи, — улыбнулся вошедший.

— Это очень кстати, дорогой! — продолжал разыгрывать петрушку заведующий. — Очень и очень! О чем стихи?

— О любви.

— Отлично! Вытаскивайте свои стихи из широких штанин, как сказал Владимир Владимирович, и читайте. Вас выслушают внимательно и с интересом.

Поэт развернул рукопись и стал читать:

— Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты...

Заведующий отделом выслушал стихотворение до конца и не скрыл приятного удивления.

— Слушай, — сказал он, — здесь что-то есть. Что-то несомненно есть. Кстати, как тебя, ну имя-отчество?

— Пушкин, — ответил посетитель. — Александр Сергеевич.

— Отлично, Саша, молодец. Не обижась, что я тебя так, без обиняков? Я ведь старый уже газетный волк. А тебе сколько трахнуло?

— Двадцать шесть.

— О! Не участвовал в семинаре молодых?

— Нет, — сказал Пушкин.

— Жаль, — покачал головой заведующий. — Такие семинары дают пользу, дают... Ну ладно, давай-ка сюда свою рукопись-погопись.

Александр Сергеевич подал исписанный гусиным пером листок.

— У тебя и почерк! — сказал Матвей Матвеевич. — Передпечатать не мог?

— Не мог, — ответил поэт и стал теревить бакенбарду.

Ну-с, так значит: «Я помню чудное мгновенье...» Помнишь чудное мгновенье. Мгновенье чудное... Ты убежден, Александр Сергеевич, что «чудное» — это то самое, единственное, заповедное, как сказал однажды в «Литературной газете» Евгений Шатко, слово? Чуд-но-е? Чуд? Шо? Ер... Не кажется ли тебе, что тут есть какой-то налет сентиментальности, слащавости? Что-то от «Бедной Лизы», так сказать? Не говоря уже о полной сдаче материалистических позиций нашим заклятым противникам: чудное, чудо, волшебство, мистика и всякое прочее гадающе на кофейной гуще... Так, а если не чудное, то какое? Дивное? Еще хуже. Прекрасное? Совершенное? Лучшее? Эффективное? Качественное мгновение? Гм... Слушай, а вот «мгновенье» — это уж точно ни к чему. Вторичность явная!

Газетный волк закрыл глаза и зашел:

— «Свистят они как пуды у виска, мгновения, мгновения, мгновения!»

Получалось у него совсем неплохо. Композитор Михаил Таривердис вполне мог быть удовлетворен таким цением.

Пушкин снова улыбнулся.

— Ну вот, — сказал заведующий, — сам чувствуешь. Подумай, брат, подумай над первой строчкой. Надо что-нибудь попроще: «Я помню этот день весенний...» Или осенний? Когда у тебя дело-то было, Саша, с этой самой Керн? «Я помню этот день ненастный...» Пускай себе дождик идет. Ты, кстати, не слышал, что там на сегодня бюро погоды передавало?

— Нет, — сказал Александр Сергеевич.

— Теперь: «Передо мной явилась ты...» Все хорошо, дружище, все — о, кей! Только вот: «явилась». Ну как это тебя угораздило! Возьми любую газету: «Соревнование является...», «Посевная кампания является...», «Такие явления являются...» и так далее. Скажу тебе, брат Пушкин, у нас в редакции, как только это слово

употребил, так сразу с тебя двадцать копеек в общественную кассу за канцелярский язык. А ты — в стих Речи нет — искорени, вычеркни, выбрось, уничтожь! « Помню этот день несчастный, когда тебя я увидал... » Что в этом роде.

Александр Сергеевич кашлянул в кулак.

— Не кашляй, Саша, — сказал Матвей Матвеевич. Доделывай, дошлифовывай и приноси во новую. Приходи стучись в любую дверь, спрашивай меня. С таким редактором, как я, не пропадешь.

Поэт свернул рукопись трубочкой и пошел к выходу, но у дверей обернулся и спросил:

— Ваша, простите, не Дантес фамилия?

— Нет, — ответил заведующий отделом. — Никогда Дантес в редакции «Продуктивность и эффективность» работает.

— Спасибо, — сказал Пушкин. — Так, может быть, я уж лучше сразу к нему?

Борис Матюнин

Сотрудник кафедры философии Уральско-го государственного университета. Читает Гегеля и Фейербаха, а пишет юмористические рассказы. Печатался в журналах «Крокодил», «Урал» и других изданиях.

ПРАВДА

Спал я так крепко, что совершенно не слышал, как зазвенел будильник. Жена к тому же, как назло, во вторую смену работала. Проснулся я только в половине девятого. Быстро вскочил, оделся и, на ходу дожевывая бутерброд, помчался к себе в институт. Естественно, меня

малая шеф:

— Ты почему, Курочкин, опоздал?..

— Честно говоря, проспал...

— И не стыдно, Курочкин! — В упор глядя на меня, шеф откинулся на спинку кресла. — Проспал... Дая шуток у меня сегодня нет времени! Ведь проверка транспорта подвел. Или что-нибудь в этом роде. В следующий раз, пожалуйста, не обманывай. Больше тебя не задерживаю... После обеда наша группа отчитывалась за проделанную в текущем квартале работу. Дошла, наконец, очередь до меня. Встаю и говорю:

— Я не успел закончить расчет теплостанции.

— Это почему? — сразу спрашивает шеф.

— Да потому, что я слишком часто устраиваю длинные перекуры в коридоре. А за столом люблю ребусы решать и спорить о хоккее и футболе. Вообще замечая, что я очень обленился за последнее время. Мне надо исправляться. Вот настоящие причины нарушения графика работы...

— Что ты, Курочкин, с самого утра чепуху мелешь! — опять рассердился шеф. — Брось паясничать! Понимаем, что не хватило времени. С кем не бывает. Ну, может, поленился! А в основном ясно, что тяжело тебе. Ты ведь совсем недавно институт окончил. Вот и чувствуется нехватка практики. Пока будем помогать, а уж потом посмотрим, как дела пойдут...

После собрания стою в коридоре, курю. Тут подходит ко мне Наташенька, секретарша. Блондиночка, с этикими пикантными золотыми кудряшками. Предлагает после работы в кино сходить. Подруга, мол, подняла ее, не может. Подумал я. А почему бы, собственно, нет?.. Решил развяться. Сходил. Понравилось. Вернулся вечером домой, а жена, конечно, в первую очередь интересуется:

— Где же ты был?

С ходу отвечаю:

— В кино ходил с девушкой.

Жена улыбается. Ужинать за стол приглашает. Показывает, что на собрании месткома задержался...

ЛЮБИМОЕ УРАВНЕНИЕ

— Добрый день, Сергей Степанович! — сказал я, входя в кабинет моего начальника, дружелюбного и веселого человека.

— Здравствуйте, молодой человек! Садитесь, пожалуйста. Итак, сразу приступим к делу. Вы когда окончили институт?

— Два месяца назад. Месяц отдыхал и месяц у вас работаю.

— Так... Значит, вы у нас один месяц. Гм... А товарищи, с которыми вы работаете, десять-пятнадцать лет назад дипломы получили. Следовательно, у кого больше опыта?

— У них, конечно, — пробормотал я.

— Вот и я думаю, что у них. Вам бы поучиться надо, а вы... так сказать, уже советы даете. Ну ничего, это бывает по неопытности.

— Какие советы, Сергей Степанович?

— Ну, например, настойчиво предлагаете товарищу Трубкину применить для расчетов уравнение теплопроводности, хотя, по его мнению, это совершенно ни к чему. Кстати, вы сами помните это уравнение? Вот вам листок бумаги...

Я моментально написал. Ведь это же мое любимое уравнение!

— А в дифференциальной форме?

— И в дифференциальной могу. — Без особых усилий на моем листке бумаги возникла стройная формула.

— Да, — Сергей Степанович сдернул очки и начал медленно протирать их носовым платком, — вам нужно

тотчас пороха попохаты. Выпишите-ка себе командировку на завод.

И я уехал... Вернулся усталый, через два месяца. На этот раз Сергей Степанович встретил меня более радушно.

— Ну-ка, — пошутил он, — черкните мне уравнение теплопроводности.

Я вырвал листок из блокнота и написал.

— А в дифференциальной форме?

— В дифференциальной? Сейчас...

Прошла минута и мне пришлось сознаться:

— Не помню... Сергей Степанович...

— Ну вот, видите! — сказал Сергей Степанович и непонятно чему улыбнулся. — Да, чуть не забыл, продлите себе командировку еще на пару месяцев.

И опять я уехал. Целых пятьдесят два дня вместе с заводской бригадой доканчивал монтаж установки. В первый же день моего приезда Сергей Степанович вызвал к себе.

— Как дела, молодой человек? Поработали, наверное, на славу!

— Да... Не знаю...

— Не скромничайте, не скромничайте. Лучше напишите-ка наше уравнение в дифференциальной форме.

— Сейчас...

Я взял ручку, но формулу, как ни странно, вспомнить не мог.

— Ну, а в обычной форме? — Сергей Степанович широко улыбнулся.

— В обычной тоже забыл, — угрюмо буркнул я.

Удовлетворенно потирая руки, Сергей Степанович произнес:

— Так я и думал! На славу поработали, молодой человек! На славу! А теперь за рабочий стол. Да, да. Пора вам с Трубкиным расчет заканчивать...

Челябинский юморист. Автор трех книжек юмористических рассказов, одна из которых отмечена поощрительной медалью Габровского фестиваля в Болгарии.

СВЕТСКИЙ РАЗГОВОР

В семействе Кульковых готовились к смотринам бодушего зятя — молодого работника прилавка.

Дочь Юлечка сообщила по телефону, что сейчас завезет его на полчаса, будто мимоходом, по дороге в театр.

— Митроша, как думаешь, так прилично будет? — спрашивала мамаша Кулькова, переставляя по столу вазу с яблоками.

— Сойдет, — бурчал лысый, курносый и суровый бошман Кульков, не отрываясь от телевизора, где показывали жизнь зайцев в лесу. — Невелика персона. Подумаешь, какого короля Махендру встречают... Торгаш, он торгаш и есть... Кусошник!

— Митроша! — с отчаянием восклицала Кульков, ежмая виски ладонями. — Опить ты за свое! Мы же обо всем договорились! Ну, неужели... Ведь если наш Юлечка выбрала его, значит, он чего-то стоит? Надеюсь, я логично изъясняю? Смотри, не вздумай нападать. Юлечка предупредила, что он — человек кристально чистоты, но болезненно самолюбив!

— Ха! — презрительно усмехнулся Кульков. — Вот жулик пошел: с самолюбием, видите ли... Обнагледь вконец! Сегодня захожу в мясной магазин, а там эшприлавком — харя!.. Такой обалдуй, что...

— Митроша! Мы договорились, что ты будешь поддерживать только светский разговор! Больше с тебя ниче

требуется. А ты уже заранее начал свои выпады...

— Взглядов моих не касайся! Я — человек принципиальный! Жуликов не уважаю, и уважать не буду, хоть вы разорвитесь со своей Юлечкой. Замуж пускай идет за кого хочет, хоть за карманника: при ныншнем нашем матриархате возражать не приходится... А что это светского разговора, — можешь не беспокоиться: лицом в грязь не ударю! Когда мы на лесовозе «Малые Шляги» ходили в загранку, я с какими еще иностранцами дело имел — прямо лорды! Эпикет! А тут, понимаешь, шарамыгу какого-то...

Раздался звонок.

— Митроша, помни — только светский разговор! — успела шепнуть мамаша Кулькова.

— Порядок будет на борту!

Жених оказался длинным, худым юношей с интеллигентным лицом и застенчивыми манерами.

— Значит, Сережа? — радушно осклабился Кульков, пожав ему руку и пристально оглядев с ног до головы, будто прикидывая, найдется ли для него комплект робы. — Бошман Кульков! Прощу, как говорится, любить и жаловать!

Ободренные таким началом, мать с дочкой удалились в спальню, откуда донеслось хлопанье ящиков гардероба, резотня и поплыли парфюмерные запахи. Кульков усадил мушкетерского гостя в кресло, сам сел напротив, и после дополнительного осмотра решил:

— Ничего парень... Приятный! Даже не похож...

— На кого?

— Да на торгаша... продавцов, то есть... Как тебе объяснить? Нет, понимаешь, толстомордия, наглости этой... Хотя это, конечно, дело важливое... Сегодня в магазине «Мясо» выдал одного такого: об его лоб поросят шить, а он... Впрочем, шить к делу не относится. Чего смутился? Ты не смущайся, а будь, как дома... Бери вон яблоко, ешь...

Жених робко взял яблоко и начал жевать.

— Яблочко, конечно, не ахти, не блещет... — внимательно глядя, как он ест, заметил Кульков. — Второй сорт... Вы там, конечно, такими брезгуете — небось, да себя повыбираете, какие получше... «Рай-потреб-себе-ге-ге-ге-ге! Выпить не хочешь?»

— Я вообще-то не пью...

— Неужели? — удивился Кульков. — Чудеса! Хотя конечно, на такой работе голова должна быть ясна а то мигом сгоришь! Я лично, слава богу, с этим миром сталкивался, но один знакомый из ОБХСС рассказывал разные случаи: до чего, черти, нехитряются расхитители эти!..

— Бывает... — сухо согласился жених. — Еще не перелись нечестные люди, но их потихоньку изживают. Сейчас пришло новое поколение, много молодежи...

— Неужели? — еще больше удивился Кульков. — Молодежь?

— А что тут такого? У нас всякая профессия почетна

— Оно так... — согласился Кульков. — Если не ворвать, то... Ты мне вот что объясни: и сажают их, и прессе беспрерывно прокатывают, им — хоть бы что. Купи «Жигуля», сядет — едет, и ничуть не стесняется. А я бы так поступал: как заметил торговца в «Жигулях» сразу: «Стой! А ну вылезь!» Впрочем, это к делу относится, переменим, как говорится, пластинку...

— Вот у вас профессия завидная, Митрофан Григорьевич! — обрадовался жених. — Мужественная, романтическая! Бури, штормы, смелые люди!.. Все-таки отчаянность надо иметь, когда, к примеру, шторм разразится!..

— Шторм — что... — махнул рукой Кульков. — К штормам привыкаешь, любой салага освоится за полгода. Никакой отчаянности тут не требуется... Отчаянный, по моему, народ — в вашей братии! Ведь всю жизнь по угрозой решетки — нервы нужны, как тропи... А сознавая

сп, небось душа в пятки уходит, как на горизонте милиционер замаячит? Хотя, конечно, тоже постепенно привычка вырабатывается...

— Чего же бояться, если не виноват? — жених с тоской оглянулся на двери спальни, откуда слышался Юлечкин голос.

— Ну, все-таки... Сегодня не виноват, а завтра... Нет, доведись до меня, я бы не вытерпел постоянного страха!.. Вот был у меня некто Тимошечкин-каптер. Вроде тебя — на вид честный малый, а вдруг не вытерпел, гнали шесть кожаных реганов!.. Так, когда следователь приезжал, сколько страху натерпелся, не приведи прямо бог! Тропическая жара стоит, а меня маждраж пробил... да!

— Вы и в тропиках бывали?

— Бывал. Вот на лесовозе «Малые Липяги» возили мы недавно доски в одну центральноафриканскую державу...

— Наверное, много приключений пережили?

— Да хватало... За границей — вот где жулье! Ихние торгоши называются шипчандлеры. За ними гоняи в оба, а то на ходу подметки срежут! Не-ет, все-таки далеко до них вашему брату, то есть, я хотел сказать, отечественному вору... Одним словом, наш торгош против ихнего...

— Странные у вас представления о торговых работниках, — обиделся жених и встал.

— Это я так, к слову, — испугался Кульков. — Зря обижаешься... Однако, даже хорошо, что ты обидчивый такой: значит, у тебя совесть не окончательно потеряна, хоть ты и вращаешься в своей среде... А насчет торгошай, то есть работников прилавка — ошибаешься: я к ним никакой особенной ненависти не питаю, даже жалею их... И другие тоже. Говорят, даже в местах заключения их не равняют с настоящими ворами — бандюгами там, домушниками всякими... К ним особый подход, их содер-

жат на ослабленном режиме... Ведь, если рассудить, они — такие же люди, но не удержались на наклонной плоскости, и их посадили... Вот и Тимошечкин — каптепу теть-в-точь был, как ты, интеллигент такой же, даже стихи печатал в «Водном транспорте», потом вдруг взда и слизал шесть кожаных реганов...

Жениху первю прошелся по комнате и, останавливаясь у спальни, позвал:

— Юля, ты скоро?

— Иду! — расфранченная веселая Юлечка выпорхнула из двери, сразу заметила кислое лицо жениха и враждебно обернулась к отцу:

— Чего ты тут наговорил?

— Ничего особенного... — пожал плечами Кульков. Так, светский разговор о том, о сем... Чего вытаращилась? Вот, брат Серега, попалась тебе фурия, записайся терпением; в мамашу вся! А вообще, чтоб долги не рассусоливать... Я человек простой, откровенный, дипломатии не люблю... Можете, если хотите, жениться и не против, благословляю. Только я не договорил тут. Сережа, выйдем-ка на пару слов...

Выведя жениха в коридор, Кульков сказал:

— Живите, я не против... Ну! Хочу заранее, по-честному предупредить, чтобы потом недоразумений не было. Узелки там, шурум-бурум всякие ко мне в дом не таскайте заранее говорю — не рассчитывай! Я живу честным трудом, государственной копейки не прикарманивал, в укромнителя краденого не гожусь... Выкинь из головы! Ясно!

Когда Юлечка с женихом ушли, мамаша Кулькова со слезами повалилась на диван:

— Так и знала! До чего верно написано в одном произведении: сердце не обманет! Что ты там ему сказал?

— Да ничего особенного... — разводил руками Кульков. — Обыкновенная светская беседа. Согласно этикету. Чего он запис, не понимаю! Совесть, видно, нечиста

и воре шапка горит... А так он даже понравился мне: скромный паренек, культурный. Не то, что тот — в мясном дивильоне! Я ему делаю замечание: чего, говорю, старушки одни кости подсеиваешь, харя? Или малую еще прижку наел? А он: «Ты меня не оскорбляй!» Я, конечно, рассердился, врезал, говорю, тебе бляхой меж рогов, тебя вместо бульдозера можно запрягать, а ты старух тут рххуряешь! Попался бы мне на флоте, воровская морда...

Но мамаша Кулькова не слушала рассказ и продолжала плакать.

— Это еще что! — заремел Кульков. — Как ни старайся — все не угодишь! А ну, отставить истерики! Разлучи, понимаешь, матриархат!

И боцман, плюнув на светскость и этикет, начал привыкаться в таких соленых морских выражениях, что мамаша Кулькова, заткнув уши, убежала на кухню.

Плотно прикрыв за собой дверь, Кульков сел в кресло, включил телевизор и погрузился в захватывающие приключения Незнайки и его друзей...

Агиш Гирфанов

Писатель из Уфы, автор сатирических повестей «Пузыри славы» и «Пятый зуб мудрости», откуда мы узнаем о том, что он презириет славу, зато любит анатомию.

СТРАННАЯ ПАПКА

Перевели меня на новую должность — заведующим мастерскими назначили. Сидел я тогда в кабинете своим предшественником и принимал от него дела: бумаги разные, докладные-накладные и другую документацию. И вдруг вижу меж прочих бумаг папку со стран-

ным грифом: «Зубы Адельгарея». «Что за зубы? — думаю. — Что за связь между слесарной мастерской и зубами?» Бывший заведующий заметил мое смущение смеясь, постучал пальцем по папке:

— Тут сорок один зуб слесаря Адельгарея Сахиягареева. Тебе их на лечение оставляю...

Загадочная фраза меня, признаюсь, заинтересовала и однажды утром я с волнением открыл таинственную папку. Сверху лежали дневниковые записи бывшего заведующего. Любопытные записи.

Первая:

«Тринадцатый зуб выдернули сегодня бедному Адельгарею. Звонил он мне. «Не могу, — говорит, — на работу выйти, щека распухла, во рту горит...»

Вторая:

«У Адельгарея нет уже двадцати шести зубов. В столовой случайно увидел, как он рагу ел. С таким треском грыз кости, что стекла в окнах дрожали. Пачка сомневаться...»

Третья:

«Хотел было от души пожалеть беднягу, потерявшего последний тридцать второй зуб. Но сегодня Адельгарея смеялся при мне. Не зубы у него, оказывается, а якутские алмазы. Значит, водит меня лодырь вокруг пальца...»

Кроме дневников папку распирала кипа объяснений Адельгарея. И все — одного фасона.

Первая объяснительная:

«Вчера не мог выйти на работу — дергал зуб мудрости. Весь день валялся дома...»

Вторая:

«В прогулах виноват зуб мудрости. Два дня удаляли его амбулаторно...»

«Вот нахал, — возмутился я. — И куда начальство смотрит?!» Дай-ка думаю, вызову его к себе, посмотрю, что за фрукт этот Адельгарей. Только потянулся к телефону, как тот сам затрезвонил.

— Товарищ заведующий. — прошипела трубка. — Сегодня не могу выйти на работу. Зуб дергаю...

— Адельгарей, — говорю, — что же это у тебя язык к зубам липнет?

— Не могу отрицать: для успокоения принял двести пятидесять.

— Будь добр, — говорю ему, — зайди завтра, потолкуем...

На следующий день пригласил к себе профорга — так официально. Ждем, значит, Адельгарея.

Вошел он без стука.

— Можно? — и в дверях показалась припухшая физиономия.

Вопрос я поставил ребром:

— Откройте рот, Сахиягареев.

— Ва-а! — промычал тот и отрицательно мотнул головой.

— Вызывай врача, — кивнул я профоргу на телефон.

Адельгарей покраснел, как спелый помидор, и признался, что боль вроде утихает...

— Ну коли так, — говорю, — желаем все-таки полюбоваться твоими зубами.

— Считаю, — сказал я профоргу, когда Адельгарей открыл рот.

— Налицо двадцать семь штук, — радостно крикнул профорг. — Только лишь пяти зубов не хватает!

— Отлично, — говорю я ему. — Пиши акт о наличности. Будем лечить оставшиеся зубы. Вместо пилуль — строгий выговор тебе, Адельгарей.

Акт мы скрепили подписями и пришили к делу «Зубы Адельгарея». И вот уже полгода, как оно лежит в моем столе нетронутым. Вылечили мы ж таки парня...

Перевел с башкирского
Сагит Сафиуллин

Дмитрий Клешев

По образованию — журналист, по должности — референт Свердловской областной организации общества «Знание», по призванию — поэт-сатирик.

РАЗМЫШЛЕНИЕ

В свой час предсмертный размышлял философ:
«Пускай извилист был мой путь земной,
Пускай завистлив был я и заносчив,
Был под микитки спорящих со мной,
В науке занял место не по праву
(Жил хитрым лисом не в своей норе);
Из-за угла ловил чужую славу,
Как кур воруют на чужом дворе.
Увы, все так! — Но слезы лить не будем,
Ведь я вернусь в сей мир, как в отчий дом,
И уж теперь приду на радость людям
Росинкою или хлебным колоском».

Природа-мать! Не дай тому свершиться!
Прегорек будет хлеб из той пшеницы.

ОНА, ОНА...

Когда, мужья, сойдемся для беседы,
В галактиках блуждая допоздна,—
Не Азлита нам несет обеды,
А, по земным понятиям, жена...
Когда, друзья, мы с лучшим другом в споре
(На что порою тянет сатана),
То к примиренью нас склоняет вскоре

Не папа римский, а она, она...
Когда, друзья, по поводу любому
Снешим взбодриться рюмкою вина,
То, тепленьких, встречает нас у дома
Не ангел кроткий, а она, она...
Историки твердят порой украдкой,
Что был когда-то, сотни лет назад,
Век золотой... век мира и порядка...
По-моему, то был ма-три-ар-хат.

Алексей Пляхин

Родился в Курганской области и живет в Кургане. Член Союза писателей СССР. Человек вообще-то серьезный, но, узнав про «Урал улыбается», не смог не улыбнуться и он.

ЗАМЕТИМ ПО СЕКРЕТУ

Он целует ту, целует эту...
С. Шишачев

Он целует ту, целует эту.
И ведь — это в жизни,

не в кино.
Правильно: сатирику, поэту
Он в печенку вьедся уж давно.

Этот из красавцев-сердцеедов,
У которых чести никакой,
Кто, сегодня одержав победу,
Завтра помышляет о другой.

Молодцом идет по белу свету
От того до этого крыльца.

Но когда целует ту и эту,
То его (заметим по секрету!)
Тоже ведь целуют, подлеца!

НЕ ОТРЕКАЙТЕСЬ ОТ КУРЕНЬЯ!

Я не курил вовек и не курю
Но, при антитабачной точке зренья,
Обязан вам сказать и говорю:
Не отрекайтесь от куренья!

Оно, порой, полезнее микстур,
Оно, порой, награда всем наградам:
Оно дает права на перекур...
А некурящий вкалывает рядом!

Николай Крутиков

Свердловчанин. Первую карикатуру опубликовал первого апреля 1975 года в газете «Уральский рабочий», на которой изобразил внешне порядочного человека, избивающего автомат только за то, что тот обделил его стаканом газированной воды без сиропа. С тех пор опубликовал во многих изданиях, в том числе зарубежных, немало смешных рисунков на темы не менее актуальные. За один из них получил на конкурсе в Японии медаль и премию.

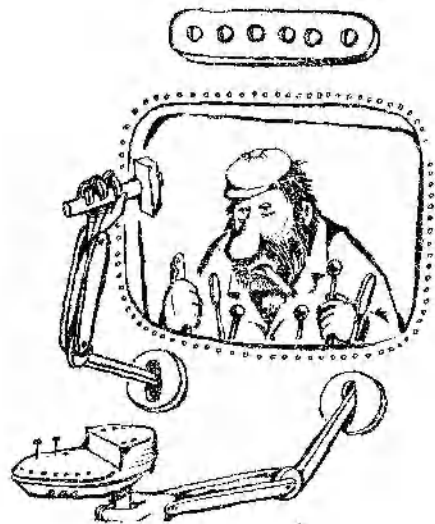
По специальности журналист. Юмористические рассказы публиковались в газете «Советская Башкирия», в журнале «Урал», в первом выпуске сборника «Урал улыбается».

СКАЗАТЬ ПРАВДУ ЛЬВУ

Хорошая штука — разные кружки, общества, объединения! Массу полезных сведений почерпнуть можно, жизнь полнее раскрывается. Вот недавно сдох у меня любимый пудель Лерик. (Открыл, подлец, холодильник и сожрал недельный запас говяжьей печени. Ветеринар сказал, что пудель умер «от удовольствия». До слез жалко собачку.) После этого я перестал посещать общество собаководов и перешел в клуб любителей философии.

Прихожу на первое занятие — я в секцию социологии записался — и попадаю на интереснейшую дискуссию. Вопрос ставится так: почему в отдельных учреждениях и отдельных случаях отдельные товарищи, мягко говоря, недостаточно благожелательны? Ваня Куржиков сразу закричал: «Потому что в человеке еще очень много не обезьяны! Пережиток темного прошлого». Тут все обиделись за обезьян. Поднялся дикий шум, и ведущему пришлось постучать по столу.

Последнее слово осталось за нашим руководителем, кандидатом философии. У этого кандидата интересная биография. Он с шестнадцати лет по настоящее время трудится в ресторане «Центральный». Начиная учеником, сейчас шеф-повар. Бесподобно жарит шашлыки. Так вот, у него хобби — неостратимая тяга к философии. Из-за своего хобби он вечернюю школу окончил, заочный институт и аспирантуру. А началось с того, что забрел он

как-то после работы в кружок и прослушал лекции «Народонаселение, теория Мальтуса» и что-то там еще Повар-философ нам все и растолковал. У человека, говорит, имеется некий уровень претензий, который всегда выше того, что данный индивидуум в силах достигнуть. Поэтому человек часто бывает неудовлетворен своим местом в жизни. Ну, например, официантка. В душе она, может, никакая не официантка, а солистка балета. Но посетитель кафе этого не знает. И вместо того чтобы поднести ей цветы и поаплодировать, раздраженно стучит вилкой по тарелке и требует шницель. Разумеется, она оскорблена.

И так это он нам здорово объяснил, прямо глаза открыл. Я лично во многих явлениях с того дня стал разбираться правильней и глубже, чем прежде. Возьмем самый близкий пример. Пришел я с занятий домой не очень поздно, часов в одиннадцать. Жена как всегда не в духе. И вдруг меня озарило: у нее же другой уровень претензий! Я бухгалтер среднего роста, средней улитанности, с лысинкой, когда говорю — запинаюсь. Вообще-то я могу и не запинаться, а запинаюсь умышленно, чтобы обдумать, что я такое говорю. А ей хочется стройного, уверенного в себе спутника жизни, рокочущего приятным баритоном. Ну, ладно, думаю, с женой тут не финансовые операции, можно повсе и не запинаться.

Встал на цыпочки, шапку мохнатую надвинул на брови, блеснул загадочно глазами и говорю приятным баритоном:

— Пюся, — говорю, — давай вместо пуделя заведем берберийского льва, это сейчас модно.

— Ой, — обрадовалась жена, — правда? — и чмокнула меня в щеку. Вот вам и кружок философии!

Прихожу на другой день на работу. Главбух, Павел Игнатьевич, хмур, как осеннее утро. Поглядев я на него, подумал и поставил диагноз. Та же самая болезнь —

шницельный уровень претензий. Он главбух, а хочет быть шофером. Да не каким-нибудь, а дихачом, гоишиком и горваголовой. Автомобиль у него есть, «Москвич», но ездит он редко. То карданный вал сломался, то потекло что-то, то камера лопнула. Такой, в общем, шофер-любитель — неудачник. Бухгалтер-то он классный, но того ему мало для счастья.

— Павел Игнатьич, — говорю, — здорово вы на своей машине гнали, я недавно видел. На повороте аж накренило. Вам бы в ралли участие принять. «Тур Европы» или что-то в этом роде.

Сказал и жду, что будет. Крепкий он мужик, наш главбух, десяти не вышосит. Но тут, смотрю, порозовел.

— Виктор, — говорит, — Николаевич, нужно к поставщикам в Одессу на неделю съездить, разобраться и документацию. Есть желание?

Еще бы не было желания в бархатный сезон за каршый счет на курорт съездать! При том я ни разу в Одессе не был. Вот что значит научный подход. Короче, не жизнь у меня пошла, а сказка.

На одесском рейде одному капитану, который в душе был перцем, я сказал, что он со своей гитарой украсил бы самый лучший ансамбль. И капитан взял меня в кругосветное плавание. Правда, каждый вечер он немилосердно был в микрофон радиорубки, но это тоже нечастая экзотика — поющий капитан.

Когда мы приплыли в Африку, я вспомнил, что обещал жене берберийского льва, и слез с корабля. За услугой встретил льва. Этот лев был царем всех местных зверей, но ему хотелось быть цирковым акробатом. Он вытаскивал стойку на передних лапах и все время заваливался на спину. После одного из номеров я громко аплодировал и закричал «браво!» Лев подошел, лизнул меня в лицо и приставил ко мне двух своих племянников. Они каждый день подавали мне шляпу, чтобы я не перегрелся на солнце.

Все шло очень хорошо, но тут на меня стала нападать хандра. Я вдруг осознал, что давно уже вру налево направо. У меня появилась жгучая претензия: сказать правду льву. Сказать ему, что даже мой никчемный пудсле Лерик, обзаведшийся говняшкой печенкой, дела кульбиты в пятьдесят два раза грациознее, чем это получастся у него, льва, но что Лерик никогда в жизни не претендовал на роль актера, а претендовал только на содержимое холодильника. Я чувствовал, что если и скажу всего этого льву, то мне не будет в жизни счастья и буду хмурым, как осенний вечер, буду все хамить в конце извои желудка. Если же я скажу правду льву, то он меня съест.

Повар-философ учил нас на занятиях секции социологии, что человек должен любой ценой подниматься до своего уровня претензий, ибо ничего нет хуже комплекса неполноценности. И я решил. Взял у львят свою шляпу и пошел. Я сказал льву все. И о пудсле Лерике, и о кульбитах. После чего бросил шляпу о песок и пригрозился к худшему. Лев положил царственную голову на лапы. Из правого глаза у него выкатилась большая прозрачная слеза.

— Почему ты плачешь? — спросил я у плавающим голозом. — Тебе хочется быть акробатом?

— Нет, — вздохнул лев. — Акробатом, правда, мне быть очень хочется, но плачу я не поэтому. Мне Лерик жалко. Талантливый, должно быть, погиб артист...

Я поднялся до своего уровня претензий: сказал правду льву. Но счастья почему-то не ощущал.

Послушай, Лева, — начал я. — Может быть, сегодня у тебя получится сальто назад? — Мне очень хотелось, чтобы у него вышло, наконец, сальто.

Лев посмотрел на меня недоверчиво. Пружинно встал. Он исполнился решимости. Может быть, он хотел прыгнуть за себя и за Лерика? Он разбежался. Он прыгнул. О какой прыжок! Плавный, мягкий, высокий. Как жалко

что кроме меня никто этого не видел. Я не хлопал в ладоши и не кричал «браво!», но лев подошел ко мне и лизнул меня в лицо. Он был счастлив. Я тоже. А к берегу уже плыл корабль, и знакомый капитан махал мне гитарой с верхней палубы.

Семен Нестеров

Слесарь Челябинского тракторного завода, член заводского литобъединения. Неприменный участник фестиваля юмора и сатиры по ЧТЗ. За рассказ «Жить можно» награжден медалью этого фестиваля «Золотой теленок».

КАК КРУТИТЬ ГАЙКИ

Я устроился работать на холодильник слесарем. Моя мама, грустно посмотрев на меня, сказала:

— Вот, не попал в институт, будешь теперь всю жизнь гайки крутить!

Работать меня поставили в паре со слесарем Генераловым. Он на пенсии, но еще полон сил и энергии. А так как работу свою он любит, то уходить на отдых не собирается. И пока передает свой богатый опыт мне.

Сегодня мой первый рабочий день. Я сильно волнуюсь, боюсь что-нибудь напугать. Генералов собирает инструмент и говорит мне:

— Пойдем в камеру номер семь сходим, посмотрим, как работает насос.

Мы пошли. Спустились в подвал. Генералов подвел меня к небольшой дырке в стене и сказал:

— Стой тут, примешь шланг.

Я ждал минут пять. Из дырки тянуло холодом. Потом вместо шланга из дыры вылезла рыба голова.

— Прими, — послышался за стеной голос Генералова. Принимать мне пришлось несколько раз. После этого мы вернулись в мастерскую, и Генералов оставил меня чистить рыбу.

Я нацелил рыбы, потом картошки, и Генералов начал варить уху. К обеду уха испела. Пообедав, мы залезли на ящики в душевой и хорошенько вздремнули.

После обеда Генералов точил для себя тачку, а от нечего делать бросал камни в воробьев. В конце смены Генералов захотелось пить, и он повел меня на фабрику мороженого. Здесь мы напились молока до такой степени, что я не мог говорить и только мычал. Генералов помог мне переодеться и под руки повел через проходную.

— Заболел, что ли? — посмотрев на меня, участливо спросил старик-вахтер. На что Генералов громко ответил:

— Молодой! Устал с непривычки!

— Видно, дышата навкрутился гаек, — покачал головой вахтер и тяжело вздохнул.

ЖИТЬ МОЖНО

За городом мы разделись, сложили одежду в малину и вошли в воду. Шофер медленно поехал вдоль реки, и мы поплыли вниз по течению. Черепицын плыл на спине. Я на левом боку. Так мне были хорошо видны объекты на берегу.

Проплыв несколько десятков метров, мы почувствовали запах каменного железа и заметили, что вода в реке несколько порыжела.

— Металлургический? — спросил Черепицын, скосив глаз на приблившегося к его боку пескаря. Я кивнул головой и тоже посмотрел на пескаря, который, как мой начальник, плыл кверху брюхом.

— Да, — с сожалением сказал Черепицын. — Тяжела

индустрия шутить не любит!

— Пескарь — рыба сорная! — заметил я. — Не останавливать же из-за нее завод?

Пока мы разговаривали, я почувствовал, что у меня начинают гореть пятки.

— Что за объект? — спросил Черепицын. Я в ответ дернул плечом, чувствуя, как на мне медленно начали растворяться новые синтетические плавки.

— Срочное погружение! — приказал Черепицын.

Глотнув побольше воздуха, мы глубоко шаркнули и, проплыв почти у самого дна с полсотни метров, всплыли. После всплытия я заметил, что вместе с плавками исчезла и моя кудрявая шевелюра. Теперь в воде лысых стало двое. Черепицын отреагировал на это по-своему. Он стал прямо на моих глазах угрожающе чернеть.

Я перепугался и тронул его рукой. Он был еще жив и, шевельнув с усилием губами, прошептал:

— Кожевняный?

— Он самый! — заскрежетал я зубами, чувствуя, как начинает дубеть кожа.

Не доплыв немного до серноокислотного, Черепицын опять побелел, и мы остановились, пытаясь удержаться на одном месте.

— Что у нас там по списку? — спросил Черепицын.

— Автобаза и ликеро-водочный... — начал перечислять я.

Мне через два года на пенсию, — неожиданно прервал меня Черепицын.

— Живем один раз, — в тон ему изрек я, и мы повернули к берегу. Тут нас ждала машина.

— Что будем говорить завтра на комиссии? — выходя из воды, спросил Черепицын.

— Как всегда! — сказал я, погладив рукой гладкую, как яйцо, голову. — Несмотря на наличие негативных явлений, жить все еще можно!

Свердловский журналист. В своем творчестве поначалу заявил о себе как фантаст, но на поверку оказался юмористом.

ГО-ОЛ!

В чем, в чем, а по части хонкея у нас в девятиэтажке полное единодушие. Как забросят наши баклажанцам, — по всем этажам-подъездам раздастся: «Го-ол!» Это у нас как бы вроде вечерней поверки: мол, тут мы все, на месте, у окошка, моральную поддержку оказываем, идем на баклажанцев стенка на стенку. Ну и наоборот, конечно, бывает: в Баклажанске стекла дребезжат, а мы челястями поскрипываем...

И вот сижу я так однажды в субботу, а на экран — глаза бы не глядели. Всухую нас баклажанцы общопылают — 3:0. Осиным роем вокруг ворот кружат, вратаря всего издергали, мечется, бедняга, как зверь в клетке, а наши толкутся на льду, как телята, и до шайбы дотянуться не могут. Так сердце сдавило — хоть за валидол хвататься...

Но тут, слава богу, солнышко маленько проглянуло, приложили нашего Треугольниковка к бортику. Только голова сцакала. И клюшка пополам. Сам Ручищев приложил, главный баклажанский бомбардир. Суток на пятнадцать, считай, наработал, — если по бытовым нормативам. Но и здесь по головке не погладили: удалили на скамью.

Воспрянули наши — и в атаку. Моргнуть я не успел, а Каменистых уже к баклажанским воротам прорвался — да ка-ак вдарит! Девятиэтажка наша так вся и вздрогнула, будто от подземного толчка: «Го-ол!»

Вздрогнуть-то вздрогнула, а чувствую: вроде бы что-то не то. И вдруг до меня дошло: да это же за стенкой

у Заваркина, тихо. «Неужто, — думаю, — сердце? При таком-то счете немудрено...»

А наши тем временем выпрыгивают вбрасывание, Дымоходов хорошо отдаст Каменистых, тот выходит к воротам, — бросок — и вот вам пожалуйста — 2:3! Взревел я вместе со всей домово́й общественностью, а сам к стенке ухом приник — что там у Заваркина? Слышу, вроде престонал кто-то сдавленно так: «о-ох». Ну тут уж и сомнения не осталось: худо бедняге.

А у Заваркина, как назло, ни телефона, ни жены, она в деревне с ребятишками гостит. И мне, главное, оторваться нельзя: на экране самое кульмина — Ручищев отбыл срок и коршуном на наши ворота кинулся. Сеча идет — искры из-под клюшек.

Звоню в «Скорую», а там занято. Ну, понятное дело. два периода всухую нас утюжили — по всему городу инфаркты... И в этот самый момент наши третью шайбу забросили. А тут и игра кончилась.

Три-три. Не сахар, конечно, но жить можно. Побежал я к Заваркину. Стучу, а сам прикидываю, как сподручней вламывать...

И что же вы думаете, — открывает Заваркин собственной личностью.

— Что случилось-то? — интересуюсь. — Я уж думал, ты концы отдаешь.

Мнется Заваркин, глаза отводит.

— Да вот, понимаешь... Переводят меня в баклажанский филиал...

Я сперва-то не понял.

— Ну и что? — спрашиваю.

— А то, что коли уж суждено в Баклажанске жить, так не белой же вороной. И мыслить и чувствовать надо по-баклажански...

Тут только до меня доехало.

— Та-ак... — говорю. — Ясно теперь... Что ж, счастливо обаклажаниваться. Черт с тобой, болей за своих Ру-

— Поставил на прорыв прибывших к нам ребят?
 — Еще б...

Проверили. Действительно: стоят...

ЭПИТАФИЯ ФОРМАЛИСТУ

Над мелочью трястись считал усопший правилом,
 И всем внушил он страх в довольно емкой мере...
 И вдруг — на камне гробовом — ошибка!

И рядом высекли: «Исправленному верить!»
 Вмиг исправляли

чищевых, охай, сколько влезет. Только пока с квартиры не съехал, — «гол» кричать не советую. Потому как за себя не ручаюсь. Вплоть до применения силового приема под горячую руку.

Повернулся я, а Заваркин душевно так похлопывает меня по позвоночнику и информирует на ухо:

— Тебя, слышь, тоже в Баклажанск наметили... С повышением. Вторым замзавом... Сам вчера видел проект приказа...

Оглянулся, вижу — не врет.

— Ничего удивительного, — говорю. — Давно уж пора бы заметить мое старание. А в Баклажанске, что ж, тоже люди живут. И в хоккей играть умеют. Вон как Ручищев этого охломона Треугольниковова к бортику приложил — пальчики оближешь. И правильно: не путайся под ногами!..

Борис Сенкевич

Юморист и сатирик, составитель поездов треста «Магнитострой». Есть надежда, что из публикаций в различных газетах и журналах составит собственный сборник эпиграмм.

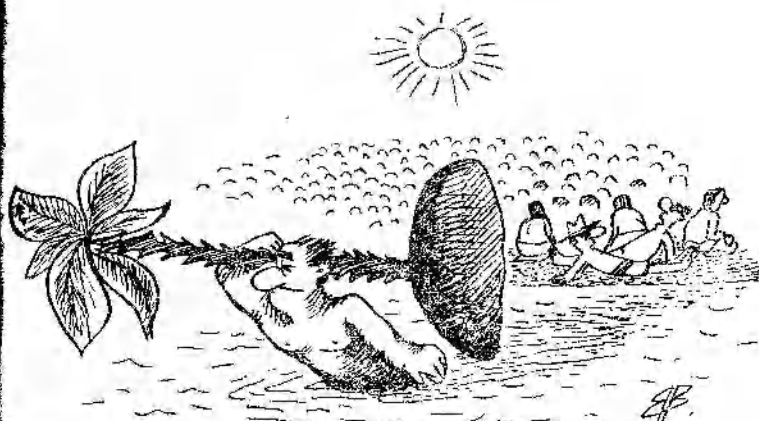
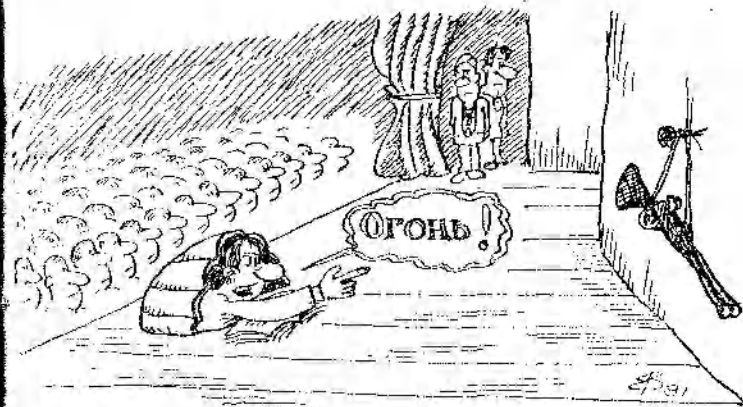
ДИСКУССИЯ
 В ЛИТОБЪЕДИНЕНИИ

В семь потов синтезируя мнения,
 Мы даем стихотворцу совет:

Подработать
 концовку творения,

Где еще
 и начала-то нет...

Коренной сердлосчанин. Прославил свою родную лесоторговую базу посредством рисунков через газеты и журналы. Приятно сознавать, что база снабжает человека и духовными ценностями.

Писатель из Кургана. Окончил ремесленное училище, работал токарем, фрезеровщиком, помощником мастера, редактором Южно-Уральского книжного издательства. Член Союза писателей СССР. И при всем этом смотрит на жизнь с юмором.

УКРАЛИ КОРОЛЯ

Слева — могучий сосновый бор, справа — чуть тронутые багрянцем березовые рощи, перемежаемые веселыми полянками, впереди — матово-серебристая река, по берегу которой протянулся широкий несчапый пляж. За мороженый красотой, я остановился у белого, окруженного цветами, корпуса здравницы. Солнце склонилось к горизонту. Нежно-алые полосы на закате предвещали прекрасную погоду на завтра.

— Впервые сюда? — спросил мужчину, приехавшего тем же, что и я, автобусом и теперь остановившийся рядом. Он поставил на дорожку два объемистых чемодана скептически, как мне показалось, глянул на мой багаж, состоявший из «дипломата» и легкой пластиковой сумочки.

— Да, — ответил я. — Впервые. И знаете, мне здесь нравится.

— Грешив, — представился незнакомец, — Иван Петрович.

Я назвал себя и предложил идти устраиваться.

В уютной палате на двоих, куда нас проводила симпатичная сестра-хозяйка, было сумеречно: в люстре горела только одна лампочка, свеч этап на двадцать пять, в прихойей света вообще не было.

— Жаль, что не удастся почитать вечером, — сказал я, опускаясь в кресло. — Темновато.

Иван Петрович усмехнулся, открыл один из своих чемоданов и на свет появились четыре электролампочки. Вскоре наша люстра засверкала веселыми огнями, ожил и засветился зиявший до того пустым патроном длинноногий торшер.

— Однако, вы предусмотрительны, — удивленно проговорил я.

— Опыт, — кратко ответил Иван Петрович. — А сейчас посмотрим, как обстоят дела с душем.

В туалетной было все необходимое. Правда, вместо душа из врана-смесителя торчала деревянная затычка, а вешалка для полотенец, не удержавшись на хилом гвозде, перекочевала в угол, за водопроводные трубы.

С той же загадочной усмешкой Иван Петрович извлек из чемодана блестящую цепуичатую змею с левым раскрубом на конце, гаечный ключ, наклю, молоток, отвертку и набор гвоздей и шурупов. Сон после освежающего дуна был легким и приятным...

Утром я с огорчением обнаружил, что у нас, как, впрочем, и почти во всех «номерах» гостиницы и здравниц, единственная розетка электросети находится в углу, наиболее удаленном от зеркала. Почему? Раньше я думал, что архитекторы, строители и люди, расставляющие в помещениях мебель, просто отстали технически, не знают о существовании электробритвы. Теперь понял — все они падеются на дядю Ваню. Ибо едва я стал пристранваться на колеснях к стулу, чтобы дотянулся шнур к розетке, Иван Петрович решительно поднял меня на ноги. Сначала он заменил розетку, которая оказалась сломанной, а затем предложил мне выпутый все из тех же необъятных чемоданов удлинитель с тройником. Побрислся я с комфортом, мешала лишь легкая дрожь в руках — от восхищения соседом и удивления перед его предусмотрительностью...

Вскоре слава Ивана Петровича перешагнула пределы нашей комнаты. Это он, направляясь на пляж, преду-

смотрительно захватил с собой куски фанеры, гвозди молоток; прибил вешалки и заколотил дыры в ветхих кабинках для переодевания. За это благодарные отдыхающие закрепили за нами лучшие лежаки.

Это он отремонтировал титан в коридоре и уже не только мы, но и все окружающие могли при желании побаловаться чайком дома. Говорю «не только мы» потому, что мы-то могли позволить себе это и раньше так как в чемоданах Ивана Петровича, конечно же нашлись и дорожный кипятильник, и чайник, и премиленькие чашечки, заменившие одиноко стоявший на столе давно треснувший стакан.

Авторитет Ивана Петровича рос не по дням, а по часам, он стал королем дома отдыха. И удар по нему нанесла отнюдь не администрация. Напротив, администрация шла ему навстречу: после того, как он подновил яркими красками единственную шахматную доску, культработник принес новелький комплект фигур, выбросив старые, основательно разбитые, на свалку.

Иван Петрович был избран любителями этой замечательной игры почетным председателем клуба и нам предоставили право играть вне очереди. А поздним темным вечером неизвестный злоумышленник похитил... черного короля. Наутро игра не состоялась. Авторитет председателя клуба сразу упал до нуля — запасного черного короля в его чемоданах не оказалось.

КОЛЯША ЖЕНИТСЯ

Словно цунами, сметая надежды, планы и спокойствие граждан, пронеслась по дому страшная весть: Коляша Четвертинкин, сын Степана Николаевича, решил жениться.

По утрам в подъездах и у контейнеров для мусора, возле будочной и просто во дворе вспыхивали короткие

стихийные митинги жильцов. В дневное время в квартирах собирались экстренные совещания пенсионеров. Книжили страсти.

— Ах, он же еще совсем мальчик! — прижимая руки к груди, стодала Анна Семеновна.

— Молодые люди должны лучше узнать друг друга. Главная задача — убедить Коляшу подождать полгодика! — тряся бородкой, твердил Аристарх Диомидович.

— Я лично не против ранних браков. Я лично против ранних разводов. А будет ли крепким брак, заключенный в декабре? — поднимая палец, вопрошал Евгений Сергеевич.

— Да, да! — поддерживал его Михаил Осипович. — В случае раннего развода депрессивное состояние у членов семьи Четвертинкиных может продлиться дольше, чем свадебное торжество. А это подорвет их здоровье.

— Сожительницы и сожители! Бросим все силы на борьбу за перенос свадьбы на май месяц! — восклицал Петр Иванович.

Борьба началась. Четвертинкиных уговаривали, упрашивали, умоляли. Аргументированно убеждали. Клятвенно заверяли, что в мае весь дом с радостью примет участие в организации торжества.

А Степан Николаевич и Коляша тем временем продолжали активно готовиться к знаменательному событию. Удрученные жильцы все чаще встречали их во дворе с сумками и авоськами, в которых зазывно позвякивали полулитровые стеклянные емкости. Сама Четвертинкина отправилась в деревню, — организовывать закуски и приглашать родню.

Катастрофа неизбежна, она неумолимо надвигается. Что будет? Что станется с квартиросъемщиками, если в сорокаградусные морозы оба кошегара котельной снова неделю будут гулять на свадьбе и декаду переживать развод?

Уфимский юморист. Работает в нефтяной промышленности. Среди месторождений полезных ископаемых неожиданно обнаружился на перспективные залежи юмора.

ДЕЛО ТЕХНИКИ

— Кто ты? — спросили меня в художественной мастерской.

— Я Антонов, воспитатель детского сада № 3, — сказал я.

— Выпить хочешь?

— Нет. Я пришел заказать вам картину, поясню портрет зайки, можно с морковкой.

— Смешно на деревенских, бедность фантазии! — сказали мне. — Приходи через два дня, придумаем сюжет составим калькуляцию, оплатишь счет и начнем.

— Кто ты? — спросили меня через два дня.

— Я Антонов, воспитатель детского сада № 3.

— В..?

— Нет, не хочу. Я пришел за сюжетом, калькуляцией и счетом.

— Ты уже приходил?

— Два дня назад. Я заказал портрет: на переднем плане зайка до пояса, или по-простому бюст, нижних конечностей и хвоста не нужно.

— Что-то такого не помним, — сказали мне, мучительно вглядываясь в меня.

— Как не помните? — сказал я, подходя поближе и увеличиваясь в размерах. — Это же вот я!

— Так, так, так... вспомнили!

— Ну вот и хорошо, — сказал я, — давайте начнем творить.

— Назвишь ты, Антонов! Картина должна созреть там, внутри, — и показали на живот, — а ты механически подходишь. Все это пережить нужно, чтобы образ сложился, и остальное дело техники. Приходи-ка, дорогой, завтра. Мы пока подумаем, составим калькуляцию, оплатишь счет и — начнем.

— Хорошо, — сказал я и пришел на следующий день.

— Кто ты! — сказали мне, мучительно вглядываясь в меня.

— Я Антонов, воспитатель детского сада № 3, ить не буду, давайте калькуляцию и счет на портрет зайки.

— Не увеличивайся в размерах, Антонов, все равно мы тебя забыли. Сейчас выйдем и все напишем.

— Не хочу, — сказал я.

— Нет, дорогой, без калькуляции мы не можем. Так уши — пара, морковка — одна, яиц будет мужчина или женщина?

— Наверное, мужчина, — застеснялся я.

— Тогда пишем: пиджак — один, майка — одна, усы — пара, хвост — один, барабан — один.

— Куда столько? — удивился я. — Для чего майка, если есть пиджак, брюк и хвоста не нужно и, тем более, барабана.

— Измучил ты нас, Антонов! Пиджак без майки — негигиенично, хвоста и ног не будет, но на то мы художники, чтобы зритель почувствовал их за кадром. Барабан для смеху. Представь, Антонов, следующую жизнеутверждающую картину: из леса выходит длинноухая образина в пиджаке и с барабаном, находка?

— Находка, — сказал я без энтузиазма.

— А теперь получи счет: пятьсот рублей картина, сто — рамка и до свидания. Приходи, дорогой, через месяц. Все понятно?

— Все, — сказал я, подавленный широтой творческого замысла и финансовых расходов...

— Я Антонов, воспитатель детского сада № 3, пришел

за портретом длинноухой образины в пиджаке и с ба
бадом. Портрет, как говорится, должен быть во в
бюст. Счет оплачен, месяц прошел,— сказал я че
месяц.

— А, Антонов! — сказали мне, мучительно вгляд
ваясь в мои родные черты. — Творим, творим, но дета
еще нет, так что приходи, дорогой, через неделю.

— Это невозможно, — сказал я, — деньги перечислен
время истекло, я больше ждать не могу. Дети плач
зайку просят.

— Усложняешь ты жизнь, Антонов. Выпить хочеш

— Хочу! — заорал я.

— Тогда беги!

Я помчался в магазин, через пять минут прин
бутылку водки, налил всем по полстакана и выпил
коллективом.

— Другое дело, Антонов, — сказали мне, — сейчас буде

Через десять минут портрет был готов. Через дв
дцать — я уже вошел в кабинет директора детского сад
ка, поставил картину вверх ногами и сказал:

— Я заяц, принес портрет воспитателя Антонов
уши, усы, ноги по пояс, хвост номер три и барабан
всего на шестьсот рублей. А остальное, — стукнул се
в грудь кулаком, — только дело техники...

Борис Кудрявцев

Живет в Челябинске. Учился в Челябинском политехническом институте, но закончил Литературный имени Горького. Прежде днем работал в редакции, и ночью писал юмористические рассказы, а теперь пишет днем, а ночью работает — дежурным инженером Главнаба.

УЛОЖИТЬ ДВЕ ТРУБЫ

Начинающий мастер Володя Клюкин выдал наряд на производство работ немолодому слесарю Нарышкину.

— Почитаем, — сказал Нарышкин и лег на связку труб. — Чего ты там написал? «Наряд. Исполнитель — слесарь Нарышкин. Виды работ и их последовательность. Первое: уложить две трубы. Второе: установить две подвижки. Срок исполнения — один день». И все? Такая малость? И не подумаю! — обиделся Нарышкин. — Не уважаешь ты меня, Клюкин! Мой труд не уважаешь, не любишь! Я могу, конечно, побросать трубы в яму, прилепить две задвижки... А где качество? Где вдохновение? Где горение?

Клюкин подумал, но ничего не придумал, только поставил в конце точку жирней.

— Ну ладно! На первый раз я тебя выручу, — уступил Нарышкин, вставая с труб. — Учись. Ищи так: «Наряд на производство работ. Исполнитель — Федор Иванович Нарышкин». Меня всякий знает. «Виды работ и их важность для народного хозяйства и всего окружающего населения. Первое. Обследовав, обсудив и установив — откачать воду из траншеи, поднять обломки старого водопровода, если они там лежат, зачистить ложе от бутылок и прочего мусора. Второе. Транспортировать

волочением и кантовкой две трубы в заранее согласованном направлении и по маршруту...»

— С кем согласовать? — не понял Клюкин и поглядел на трубы под Нарышкиным.

— С кем хочешь! — сказал слесарь. — Во избежание транспортных заторов и прочих неизбежностей. «Третье. Уложить две трубы, соблюдая экономно и бережливость. Четвертое. Поставить задвижки с помощью рационализации и изобретательства. Пятое. Учитывая пожелания общественной жизни района, опробовать задвижки, включить воду в третьей декаде или ко Дню физкультурника.

Срок исполнения согласовать особо, учитывая сложность работы, перерыв на очередной отпуск, отгулы, прогулы, лечение после них, выходные дни и...»

Нарышкин улыбнулся и хотел было включить сюда рывок траншеи ручным способом, в мерзлом грунте. Но стоял жаркое лето, и траншея давно была вырыта.

— Кто тебе поверит, Нарышкин? У тебя не десятка рук! Имей совесть, — остиновил его возмущенный Клюкин.

— Это верно! — согласился Нарышкин. — Нельзя отрываться от жизненной правды. Но установку опалубки и бетонирование тоннеля по всей длине ты все же приносишь мне...

Подоспел бригадир слесарей Дериглазов и тоже лез на связку труб, рядом с Нарышкиным.

— Что составляете? Наряд? Дайте почитать...

Монитал, одобрил в общих чертах, но предложил дополнить двумя пунктами:

«6. Осмотр траншеи спереди, чтобы видеть перспективу на будущее.

7. Подготовка инвентаря и опускание тела Нарышкина в яму».

Потом он выразил мысль, что в траншею с утра бьются сквозняки. Нарышкин потуже натянул каску, застегнул

ше пуговицы на рубашке, перемотал портянки, потребовав шнур. В наряде записали:

«8. Произведена работа по тепло- и влагоизоляции цеха профсоюзного, а также отладка его индивидуальных средств передвижения (т. е. сапог) в борьбе с текучестью кадров путем улучшения условий труда».

Нарышкин смахнул благодарную слезу. Больше никто ничего предложить не смог, и Клюкин, облегченно вздохнув, написал:

«9. Материалы и инструмент в наличии имеются. Но Дериглазов вдруг заинтересовался:

— Ты, Нарышкин, куришь?

— Как будто. А что?

— Тогда пиши: «Десятое. Обеспечение мероприятий по пожарной безопасности, а также вынос тел и оборудования в случае пожара». Тебе ведь придется, кому же еще?

— Пожара-то нету?

— Может, будет, — с надеждой сказал Дериглазов.

— Рукавицы у тебя целые, Нарышкин? — спросил кто-то. — Ага, дырка на пальце! Пиши: «Одиннадцатое. Срочный ремонт инвентаря на месте. Двенадцатое. Испытание его на прочность...»

— Песок там или глина? Запишем на всякий случай:

«Тринадцатое. Груз не надежный, в районе вечной мерзлоты, с повышенной сейсмичностью, где не ступала нога человека».

Пустили слезу и стали обниматься с Нарышкиным, прощаясь навеки.

Наряд составляли весь день, сливки не разгибая. Употели. Зато он включал теперь пятьдесят страниц убористого текста, с пояснениями, ссылками и толкованиями...

В конце смены за четверть часа Нарышкин побросал в яму две трубы, привел две задвижки и включил воду. Наряд можно было предъявлять к оплате.

— Предупреждаю, товарищи подрядчики и субрядчики, аврала не будет! — Начальник комплекса со взглядом каждого участника последней планерки года (Разговоры эти отстаивать! Вы не дети, должны понюхать, что аврал — это брак, переделки, аварии и прочее! Протинь? Единогласно! Вместо аврала закончим год, четный, так сказать, период, вполне понятным ускорением темпа работ. Короче, сделаем за оставшиеся сутки то, что положено было за полгода! Предупреждаю: будьте спокойненько, без горячки, аккуратно. Сейчас разойдетесь по своим местам и, аккуратно, не торюясь на

Мы, не дослушав, сломя голову, бросились к свободному мостовому крану. Кричим, что есть силы:

— Майна! Вир-ра! Спускай! Подымай! Поезжай! Тормоз-зи!

Поздно. На крюке, обняв его, устроился прораб промвентиляции. Ногами от счастья взбрыкивает. Опередили.

Через полчаса выяснилось, что подъемный кран пужливый, как рыба зонтик: откуда ставить вентиляторы.

Люди друг у друга на голове стоят, всем не хватает планов выполнять. Бригадир электромонтажа развернул чертеж, ватман тут же бетоном залили, сверху трубу положили, а плотники сколотили мостки до отметки плюс девять. Монтажник в крик:

— Не буду без чертежа-а!

Да разве кто услышит, если в полуметре перфоратор включили, под ногами кто-то кувалдой в арматуру ударил, чтобы ее выправить...

— Не зевай! — кричат слева. — Посторопись! — справа. — Освободи зону! — Сам освободи!

Кто-то в спешке раздавил противопожарный автомат и сверху пролилась грибным дождем вода. Мастерки выскользнули из мокрых рук каменщиков, как окуньки

монтажники-высотник, увешанный страховочными цепями, тупо на мокрую плиту, сделал «шаг» и, напуганный, оказался лезть на высоту...

Начальник комплекса ввек спешную коррективу: «Прораба пожарной автоматики перевести в рядовые, домового Маслова перевести в автомат».

Сначала залили, дали подсохнуть, потом одумались, вырубали и развернули на 180 градусов фундамент под труботягочный агрегат. Вместо труботягочного схватили на складе котла в мешке — обдирочную машину. Установили, подключили, заправили трубу и припилились гнуть. Труба согнулась в дугу наладчиков, а сама осталась прямоугольной.

Дымовую трубу, глядя в сброшенную чертёж, поставили толстым концом вверх, дым повалил в подвал. Диван зачихал, монтажники закашлялись и вылезли красные от волнения.

Начальник комплекса успел вмешаться: «Начальника участка дымовой трубы Ноздрина перевести в домовые, на его место...»

Тем временем из другого города пригнали на подмогу усиленный чудо-кран. Машинист побежал воды наняться. А самый неперепелый не захотел ждать, сам схватился за рычаги, дернул и... завязал богатырскую стрелу баптизмом с двумя узлами.

Начальник комплекса диктовал:

«Машиниста крана разжаловать в стропали, главного механика поставить машинистом, объявить договор автокрану, а также всем присутствующим, кто был рядом, но не попал под стрелу!»

Салоги хлоспали в ледяной жиже бетона, с крыши канал горячий битум, сыпалась спешком стекловата, степила немого. Двадцать гектаров кровли кровельщики утеплили, присыпали асфальтом, побив рекорд «но валу», отутюжили катком и спустились на землю поглядеть. Разглядели сквозь крышу — небо.

— Солнце битумом не замажешь! — сказали, опра-
дываясь.

Им поверили.

Наконец, по рольгангу покати́лась встреченная апа-
дисментами первая раскаленная болванка и... вышибла
дверь в буфете, разметала накрытые к торжеству столы.

Пачальник комплекса попросил себе больничный на
всю первую декаду нового года — предынфаркт! Проди-
товал, сползая с кресла: «Рольганг запустить в обра-
тную сторону. Буфет закрыть на учет. Убыток списать
на прораба наладчиков. С Новым годом, товарищи,
трудо́вой победой!»

В последние пять минут года, отчетного, так сказат
периода, вызвали «Скорую помощь» для него с бригаде
реанимации.

Подвели итог, выступил заказчик:

— Поздравляю, товарищи! Потрудились неплохо
в целом. Если не вникать в мелочи. Бывает и хуже
когда авра... Простите. Я только не могу понять, заче
монтажники повесили у меня над головой железобетон
ную плиту. У электромонтажников остался «в лишних
контейнер магнитных выключателей и дюжина электромо-
торов, установлены пять лишних опор, бригада каменни-
ков недосчиталась одного человека — замуровали в вен-
тиляционной галерее. Ничего, воздуха ему хватит. В
будущем году надо все исправить, разыскать! И чтобы без
всяких авралов! Поняли?

Мы дружно закивали головами и тихо разошлись по
домам.

Владимир Саложников

*Шофер транспортного цеха Челябинского
тракторного завода. Однажды совершил
крутой поворот в сторону юмористики,
что не было замечено ГЛИ, зато за-
интересовало местные газеты и журнал
«Урал».*

ШИК-МОДЕРН

В нашем микрорайоне недавно открыли современную
баню. С сухим паром, бассейном и шашлыками. С того
дня на столе заведующего бангорхозом без конца звонит
телефон:

— Алло... Алло... Уф-ф! Мне товарища Водолейки-
на, — раздается в трубке. — Как хорошо, что застала вас,
уф-ф!

— Вы тоже, наверное, жаловаться? — интересуется
заведующий бангорхозом не очень радостно. — Ох, и
непризванный клиент пошел нынче — кошмар! Чем вам не
придется наша новая сауна? Может, света маловато?

— Что вы... Что вы! Четыре люстры светят... Приш-
лось надеть солнцезащитные очки. И рюсалки на мрамор-
ных стенах нарисованы, как живые. Только...

— Так в чем дело, не понимаю? Может, бассейн
выполнили не до краев? Или пар не очень мягок?

— Нет-нет, и здесь все в порядке. И разноцветные
шляпки над водой, и джаз-оркестр на плоту посреди
бассейна прекрасно вписывается в интерьер. Я было хотел
купиться, так меня звуковой волной тут же отбросило
назад метров на десять.

— Думаю, ничего страшного. дорогой товарищ, мы
найдем пару спортсменов, и они будут забрасывать
клиента в воду от самого входа. А пока танцуйте, весели-

тешь. Где нам еще позволят танцевать в разоблаченном виде?

— А в парилку вообще невозможно пробиться, — и дождает возбужденный голос. — Едва я открыл дверь, как чья-то волосатая рука поставила мне в тазик кружку пива с шашлыком и вытолкала обратно. Разумеете?

— Да-да, вы правы! Сервис у нас падает на внушительную высоту. Что? Так и не удалось помыться? Ездитесь, дорогой товарищ. Помыться и дома можно в ванной. Или у родственничков. Ох, и капризный клиент нынче пошел — коммар! Раньше все больше жаловались на слабый сервис в нашей мыльной системе, а теперь наоборот. Стоит ли звонить по таким пустякам?

ВЫРУЧАЙ, ШЛЯПКИН!

Вот вы, наверное, думаете, что и работник малоприметный, почти никудымный. Ошибаетесь! Для нашего цеха я, оказывается, человек незаменимый.

Замечаю я как-то, в последние дни мастер стал для меня до странного добрым. Подойдет тихо к моему станку, шестеренки бракованные пересчитает и так же тихо уйдет. Чудно!

Однажды, когда я пробежал мимо конторки в своих горнолыжных ботинках, Сим Симиш услышал снежный скрип моей обновки и позвал к себе.

— Спортивные, что ли, Шляпкин? — спросил он заинтересованно.

— Они самые, скороходы натуральные, — бойко ответил я, пританцовывая.

— Я уже понял, что скороходы, седьмой раз мимо пробегаешь, — сказал мастер. — Спортивные, значит? Как раз то, что нужно. Выручай, Шляпкин, родной участок шестеренок. Надеюсь, ты бегать умеешь?

Я выбрал на скамейке место получше, без сучков и удобно сел, закинув ногу на ногу.

— Кажись, умею, Сим Симиш, — скромно сказал, вспомнив, как резво убежал от нашего профорга в день получки.

— Значит, так, завтра выступишь в соревнованиях по боксу.

— В чем? — Я подскочил на скамейке, забыв про сучки. — Вы, кажется, что-то напутали — боксер-то у нас Нитя Железкин. Мастер спорта.

— Помню, Шляпкин, помню. Но ты не забывай, что ты еще у нас и мастер-токарь. Представь — уйдет он шестеренки мордобиться, а кто шестеренки точить будет, план шиповать? Нет, уж лучше ты пойдешь, Шляпкин. Главное, не бойся, бегай по рингу, чтоб соперник тебя не поймал. Минуты две продержишься — и хватит. Да смотри в оба: чтобы он тебя случайно к зрителям не выбросил, понял?

Я согнул руку в локте и, проверив бицепсы, вздохнул. Мастер перевернул в календаре с десяток страниц.

— А на будущей неделе...

— Что на будущей? — насторожился я.

— Да так, пустяки, прыгнешь на лыжах с трамплина вместо Кокосова. Ерунда. Сам знаешь, Кокосов у нас лучший наладчик. Руки у него золотые! На носу конец декады — жаль такие руки ломать.

— Вы д-думаете, я с-могу?

— Это совсем не страшно, Шляпкин, — обрадованно сказал мастер. — Закрой глаза и спокойненько катись вниз с трамплина. Метров двадцать пролетишь — и хватит, приземляйся, куда захочешь. Только не на судейское жюри.

Пока Сим Симиш отмечал на календаре красным карандашом, я на щипочках подался к выходу. Услышав снежный скрип, он поймал меня у самого выхода.

— Куда ты, Шляпкин? Если любишь свой цех, иди за него в огонь и воду. Но в огонь сейчас не надо, а в бассейн пойдешь, ГТО сдавать. Один за всех будешь плавать. И за Марию Петровну из кладовой — тоже!

— Да я колуном плаваю! Вы же знаете! — прокричал я, теперь уже пытаюсь спрятаться под скамейку.

— Я в этих тонкостях не разбираюсь, Шляпкин. Мне все равно, что колуном, что брассом, главное — доплыть до финиша, — сказал мастер, вытягивая меня за ботинки обратно. — В общем, выручай, Шляпкин, родной участок шестеренок. Глядишь, и польза от тебя цеху будет. Все-таки приятно, когда тебе говорят: «выручай».

Герман Дробиз

Писать начал в студенческие годы в «Боевом органе комсомольской сатиры» Уральского политехнического института. Шутя и улыбаясь, получил диплома инженера-энергетика и начал работать в проектно-институте. Однако вскоре сознание той пользы, которую он принесет отечественной энергетике своим уходом из нее, помогло ему выпустить пять сборников юмористических рассказов и стать членом Союза писателей СССР.

ДОРОГНЕ ЧЕРТЫ

Кто же не мечтает — однажды взять да и зажит по-новому: ярче, смелее, щедрей! Я и сам сколько раз клялся: с ближайшего понедельника, с первого числа с Нового года... Да только... Какая воля нужна, какой характер! А где их возьмешь? Вот если бы можно было купить. Представляете? Нет? А я представляю...

Торговый центр города. Рекламы, витрины, вывески. И вдруг:

Универсальный магазин «Современный характер».

Как раз то, что надо! Вхожу вместе с другими. На первый взгляд, все привычно: кассы, прилавки, продавцы. Но вывески странные: «Отдел взаимопонимания», «Секция положительных настроений», «Выставка-продажа деловых качеств». А вот, любопытно: «Антикварнат. Всегда в продаже старинные черты».

Понаблюдаем за покупателями: кто берет, что берут, сколько?

...Как вам нравится этот тип?! Всех растолкал, кричит, колотит кулаком по прилавку... Получает, что требовал. Странное превращение: благодарит продавщицу. Целует ей руку. Извиняется перед остальными. Перед старушкой на колени упал...

— Гражданин, вам плохо?

— Наоборот, хорошо. Вежливость приобрел. Приличные манеры отхватил.

— Если не секрет — зачем понадобились?

— На курорт собираюсь. А там, говорят, иностранцы бывают. Вот и запасся на всякий случай...

В отделе взаимопонимания у прилавка мастяся сельский житель.

— Девушка, это чего такое — «ком-му-ци-кабельность»?

Ну, продавщица — прелесть, веки в фиолетовых телях. Умница.

Откуда я знаю?

Сразу видно — вправду не знает. И в отличие от некоторых своих коллег, чем торгует — себе не берет.

— Берут его, нет?

— Кому надо — берут.

— Давайте, — решает селянин. — Хрен его разберет, когда и пригодится... «Ин-диф-ферентность». А это для кого?

— Это для слишком нервных, — слишком нервно отвечает девушка. — Справка есть?

— Нам ни к чему, — спокойно отвечает покупатель. —

Мы спокойные.— И, потупившись, щелкает пальцем шее, под скулой.— От этого ничего нет?

— Сила воли в следующем зале.

Иду за приездом, но отвлекают звуки скандала. По рекламным плакатам «*Приобретая доверительность, приобретаешь друзей*» бранятся покупатели. Прислушался. Люди накануне купили здесь доверительность, начали пользоваться, а это оказалась наивность. Теперь они требуют обменять товар на доброкачественный. Опытный продавец хладнокровно объясняет: сами виноваты, вы изучили инструкцию. Видно, ему неохота принимать обратно бракованные изделия. Увы, поскольку покупатель все еще находился под сильным влиянием наивности они поверили продавцу и, захватив по новому экземпляру инструкции, разошлись.

С потолка зарокотал динамик. Бодрый голос в манере циркового ведущего: «*Чувство юмора! Приобретайте юмор! От смеха еще никто не умер!!!*»

Иду в зал положительных эмоций. Несмотря на рекламу, вокруг юмора ажиотажа нет. То ли большинство своего хватает, то ли не нуждаются?

Подходит некто, почему-то таится. Негромко — продавцу:

— Этого... про которого сейчас по радио... только немного. Спасибо, достаточно... Начальник у меня смеялся. Прежний серьезный был, а новый — с порога «Кто шуток не понимает, со мной не сработается». Прямо беда!

...Едва миновал «*Чувство юмора*», повеяло легкой грустью. Уютный холл. Аромат вянущих роз. Керамические вазы в нишах. Зеркала в литых оправках. И — кроме продавщицы — ни души.

— Чем торгуете?

— Антиквариат, — досадливо машет рукой. — Чувственность, галантность, жайтильность, созерцательность. Никакого спроса.

Однако тут же, вслед за мной, появляются двое пожилых мужчин.

— Друг у нас юбиляр, что бы выбрать?

— Пожалуйста, чудный подарок: «рыцарское отношение к дамам».

— По-моему, это у него уже есть, — говорит один.

— Вряд ли, — возражает другой. — Редчайшая вещь в наше время.

— А у меня была. Но я ее сыну подарил. На свадьбу. А он ее поменял. На мужскую независимость. Пойми, говорит, меня правильно, папа; зачем мне теперь это старье, когда я женился?

Пока они совещаются, продавщица спрашивает у меня:

— А вы что-нибудь возьмете?

— Извините, — говорю, — время такое. Галантность ли к чему, а созерцать некогда. Действовать надо. Сейчас деловые люди в почете.

— Точно. Вот они, прилавки обламывают, деловые люди.

...Иду на шум. Очередь, как бараний рог, в три витка.

— Вы последний? Я за вами. За чем стоим?

— А сами не видите? Настырность выбросили.

— Как вы сказали? «*Настырность*»? Странно...

— Что странного? Поначалу-то все было хорошо. Придумали отличную штуку: набор деловых качеств. Энергичность, сообразительность, контактность, предприимчивость, напористость. Вот сколько сразу! Но ведь знаете, как бывает: одно с фабрики не подвезая, другое на складе затерялось. Сообразительность, говорят, по своим разошлась. В общем, теперь в те же коробки закидывают одну напористость, и то ни для кого не секрет, что по качеству это уже давно не напористость, а самая обыкновенная пастырность. Да в той еще не достанется. Видите: лезут и лезут без очереди. Зачем им еще пастырность? Своей хоть отбавляй.

— А вам зачем?

— Все берут, а я, что, рыжий? Если и сегодня не достанется, тогда возьму и наберусь *хамства* под завязку.

— Но ведь им здесь, надеюсь, не торгуют?

— Здесь — нет, а там...

Смотрю через витрины на улицу: да, там бродят подозрительные личности, подзывают прохожих.

— Хамство — еще игрушки. Там любую гадость можно купить. Конечно, за бешеные деньги.

— Но это же безобразно! Почему никто не борется?

— С *непримиримостью* перебор. Черта рискованная, берут редко. Падает спрос — снижается производство. И ассортимент узкий. Если и бывает непримиримость, то чаще всего в форме художественных образов, а деловой или житейской я что-то давно не видал...

Отхожу несколько расстроенный. Но впереди — отдел детских товаров, и здесь душу радуют забавные сценки.

Оживленнее всего у прилавка, где вниманию покупателей предлагается ранняя *самостоятельность*. Дети скандалят, требуют:

— Купи! Ну, купи!

Катаются по полу, пускают обильную слезу. Напрасны няни и мамы увлекают их к соседним прилавкам:

— А вот, смотри... *уважение к родителям*. Правда, хорошенечкое?

— Не хочу уважение... Хочу самостоятельности!

— А вот: *тяга к знаниям*. Погляди, какая красивая тяга.

— Не хочу тягу... Самостоятельность хочу!!!

Мамы еще сопротивляются, а один отец не выдержал и купил сыну желанную черту. Ребенок преображается тут же. Слезы у него высыхают, и он спрашивает солидным хриплым тенорком:

— Батя, у тебя еще деньги остались?

«Батя» жмется, бормочет:

— Да мне еще... это...

— Лишний раз не напьешься, — безжалостно отрезает ребенок. — Ну-ка, возьми мне эту штуковину блестящую. Вот ту, с загончиками... Тягу к знаниям.

— Может, заодно и уважение к родителям?

— С этим торопиться не будем, — сурово заключает дядя. — Это мы теперь можем самостоятельно иметь. Смотри, конечно, по-вашему с маманей поведению.

Выхожу из детского отдела со странным чувством — словно *бодристь* приобрел. Странно то, что на самом деле я ее не приобретал: ее продают в зале сверхположительных эмоций. Иду туда. Смотрите-ка, здесь, кроме бодриости, можно приобрести самый настоящий *оптимизм*! Есть покупатели? Есть. Но что приятно: никакой давки, никакой суеты. Чувствуется, что оптимизма у людей вполне хватает. Покидаю зал с чувством оптимизма, хоть опять-таки не приобретал его — чудеса! Раздумываю, куда бы еще заглянуть. Но вдруг замечаю: освещенные становятся мрачловатым, люди куда-то исчезают, всюду пустеет прилавки... Магазин закрывается, или это мой оптимизм так быстро окончился?

И тут осенило: не то и не другое, а это воображение пробуксовывает и, стало быть, способность фантазировать иссякает. Надо срочно дозаправиться. Помчался в антиквариат, к знакомой продавщице, в темноте едва отыскал:

— Ф-фух... Все-таки к вам *Фантазерство* есть?

— Где-то было... Вот, пожалуйста.

Кстати, вас наверняка интересует, как выглядят товары в этом магазине? По-разному. Галантность тоненькая, контактность шумная, юмор в пилюлях, настырность — вроде спирального порошка. Самостоятельность — типа «ваньки-встаньки». А фантазерство оказалось вот такое: внутри стеклянного куба — голубиное крыло, а к нему на нитке медная гирька подвешена. Ни крыло не взлетает, ни гирька не падает.

— А гирьку...

— Отделить? — поняла с полуслова продавщица. —

Нельзя. Вы тогда такое нафантазируете. Это ограничитель.

— Понятно. Хоть бы крыло попросторней.

— Заходите. Ожидаем новую модель, на базе орлиного крыла. С гантелью.

— Ладно, — сдался я. — Давайте эту.

Вернулся домой, подключил покупуку, написал то, что вы сейчас читаете. Возможно, у вас есть претензии. Например, почему автор не упомянул целый ряд положительных черт и при этом поднажал на некоторые отрицательные?.. Не знаю, что и ответить. Может, *приобретенное фантазерство* виновато? Я вот сейчас присмотрелся к этикетке: срок годности-то давно кончился. А ведь такая дорогая черта...

Нет, друзья, настоящий характер за деньги не купишь. Оставайтесь с тем, который имеете. Впрочем, почему «оставайтесь»? Конечно, он у вас не образцовый. Вот тут прямой, а вот тут малость искривляется. С одного края глубокий, а с другого не совсем. Изнутри добротой и отвагой светится, а снаружи слегка похуже. Но, уверяю вас: переделать можно. Надо только решиться: с ближайшего понедельника, с первого числа, с Нового года. Потихоньку, помаленьку. Как раз на всю жизнь хватит. Долго? Очень. Но другого способа нет.

Олег Рудин

Врач из Свердловска. Считает, что жизнерадостное настроение благотворно и для здоровых, и для больных. Поэтому сочиняет каламбуры.

Каламбуры

ЗАЯЦ-ХВАСТУН

— Волки серы! Сер и я.
Значит, та же серня.

КРИТИКА
В ДЖУНГЛЯХ

Разносу кобра подлежала.
Но звери сникли
 подле жала.

НА ДОСУГЕ

Без водки отдых хает,
Поддаст —
 и отдыхает.

ТАЛАНТ

Обладал Сивелий даром:
Ловко тратил время даром.

СМОТРИ В КОРЕНЬ

Хромать у Нила стали сводки.
Как ни банально, это —
с водки.

ИЗ ГЕОГРАФИИ

Есть берега у рек, истоки,
Есть устье, русло, дно и...
стоки.

ЛАВРЫ

Стонал от зависти отдел:
Как он увиливал от дел!

Владимир Сибирев

Свердловский поэт, литературный сотрудник журнала «Уральские нивы». Автор нескольких книжек стихов для взрослых и детей. И вот на ниве поэзии стали вызревать эниграммы.

ДАМОКЛОВ МЕЧ

Еще лежит в наборе книга,
А уж Дамоклов меч над ней!
И ждет с томленьем критик
Мига,
Чтоб нанести удар больней:

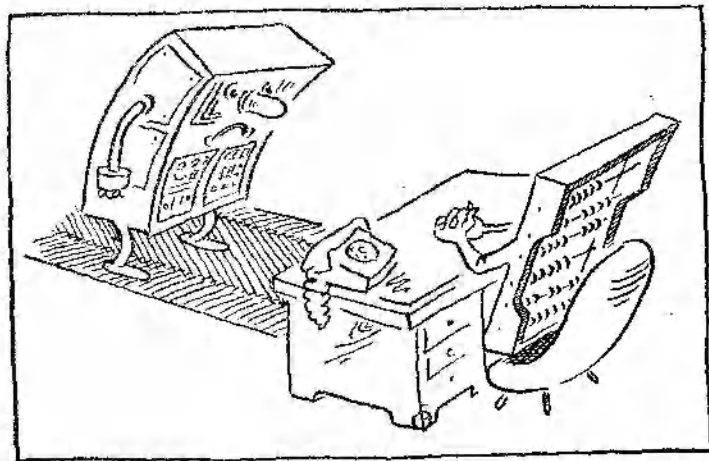
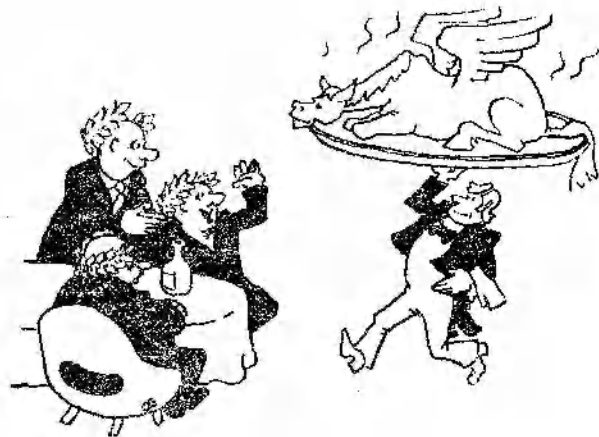
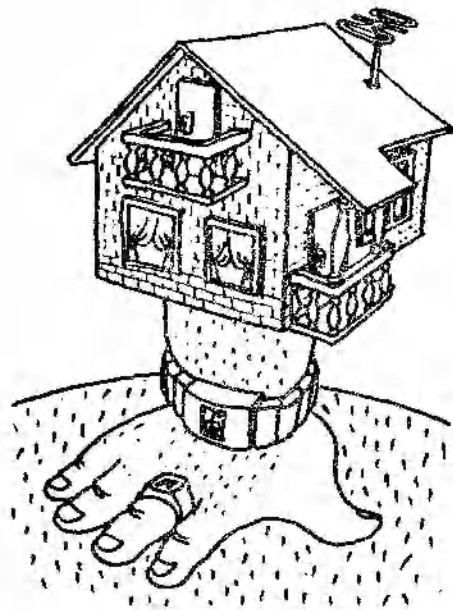
Ведь автор
В том уж виноват,
Что критику —
Не сват, не брат.

«ПРОФЕССИОНАЛ»

Напечатал два десятка строф,
Он сказал заводу:
— Будь здоров.
Пишущей машинкой обзавелся,
Стричься перестал,
С женой развелся,
Чтобы всяк и без сомнения знал:
Он отныне профессионал.
Тут ему засесть бы за поэму,
Да не знает, на какую тему.
Новый цикл бы выдать «па-гора»,
Да вернуть старый лишь вчера.
...Скоро станет у него занятие —
Предавать издательства проклятьям.

Борис Эренбург

Младший научный сотрудник Уральского филиала Всесоюзного теплотехнического института в Челябинске. Рисует и рисует, приобретая все большую известность. Знают его и в международной столице юмора: три его карикатуры вошли в сборник фестиваля Габрово-79.

Лев Золотайкин

Живет в Сургуте, Тюменской области. В качестве инженера-мостовика действует давно и успешно по всей территории нефтегазоносного края. Как сатирик-юморист проявил себя сравнительно недавно.

ЖЕРТВЫ ПРОФЕССИИ

Редактор подкинул на ладони маленький кубик.

— Напиши о людях, — сказал он. — Что делают, чем увлекаются?

Одна сторона кубика вдруг засветилась. Я вытаращил глаза — кубик оказался крохотным телевизором.

— Мастерю на досуге, — буркнул редактор. — Руки чешутся по паяльнику. — И он, вздохнув, придвинул горку рукописей.

На улице я вошел в первое попавшееся учреждение — НИИ очень тяжелой промышленности.

За дверью с золотой надписью «Начальник» сидел крупный мужчина. Одной рукой он держал трубку, а другой волзал нож в огромное плечо. Под тонкими ударами ясно обрисовались ухо и глаз.

— Хобби, — объяснил начальник. — Волзает завах смолы и стружки. Каждый отпуск на мебельной фабрике работаю.

Молодой ученый Саша — между делом пчеловод-любитель — повел меня знакомиться с институтом.

— Люди у нас замечательные. Очень Тяжелая Промышленность — это основа основ, поэтому коллектив громадный. Поголовное высшее образование и необычная широта интересов. Видите, по коридорам толпы ходят. Кажется: инженеры — и все. Заблуждение! Да только за последний год из нашего института ушли в профессиона-

лы фотограф, столяр, маникюрша и два ветеринара-собачника.

Раздел моего блокнота «Чем занимаются?» разбух от пишесей. Но вот «Что делают?»..

— Много делают, — сказал Саша. — Есть у нас один, прекрасные машины изобретает. Но, к сожалению, ординарная личность. Только и слышишь от него про футорки и форсулки. Над ним шефство бради. А он на гору не лезет, гитару не берет, винных этикеток — и тех не собирает.

А какие у нас кружки! «Изучение клинописи», «Теория пивоварения», «Общество дрессировки земноводных». Для детей сотрудников, пожалуйста — «Юный каботажник»..

Переполненный впечатлениями, я вышел на улицу. Спешили люди, гремел динамик:

— Слушайте передачу «Народные умельцы». Ученик молотобойца в обеденные перерывы и на перекурах обучился хирургии и провел на товарищах несколько операций... Колхозники артели «Мысль и недра», вечером собравшись и раскинув умом, построили из обломков сельхозтехники паровоз, который по мощности не уступает знаменитой машине американца Уатта. Смекалисты труженики села используют его в колхозной базе...

Я послушал — и мне стало стыдно. Вся жизнь прошла над бумагой. Были успехи, награды, но ведь писал и все. А мечты детства! Бывало, чапаном я, млея от восторга, следил за дядей Ибрагимом, который сидел у пузатой бочки и радостно кричал:

— По случаю жары пиво без долива!

И очередь шелстела сохшимися губами!

— Лей. Скорей. Благодетель!

И я спохватился — и добился своего. Сел в выходной день возле желтой бочки, повернул кран и пена брызнула в кружку.

И когда один клиент, не найдя под лепной горой пива,

начал мне дерзить, а другой хмуро сунул ему под нос кулак, чтобы не отвлекал продавца, я почувствовал себя счастливым.

Ко мне тянулись люди. Я был им необходим. Это такая радость!

Ах, товарищи, сядьте на свое место!

Герман Подкупник

Свердловский юморист. По специальности инженер. Внимание на себя обратил публикациями во многих газетах и журналах, в том числе и в «Крокодиле».

ПЕРПЕТУУМ-МОБИЛЕ

Он энергично вошел в кабинет и объявил:

— Желаю принять личное участие в техническом прогрессе. Хочу сделать изобретение.

— Похвально, — отозвался я и развернул принесенный им ватман. Лист был чистый, но посетитель не смутился.

— Вот я и пришел узнать, — сказал он с ударением. — Как Нобеля отхватить или, на худой случай, патент.

Все это было так иезупо, что я от души рассмеялся.

— Смешного мало, — строго заметил он. — Вот сосед у меня хилый мужичонка. Тюкал, тюкал что-то в подвале — и нате вам: сейчас на «Жигулях» раскатывает Премии дали.

— Но какое это имеет ко мне отношение?

— Это же бюро рационализации и изобретений?! — сказал он. — Вот вы мне и подкиньте идею.

У него была боксерская стрижка и мягкие голубые глаза.

— Больше вы ничего не придумали?

— Пока нет, — спокойно ответил он. — Вот если бы вы мне подсказали, я бы придумал. А вас — в соавторы. Фамилия у тебя как?

— Глотов моя фамилия.

Он задумался.

— Бутин и Глотов. Ничего, звучит.

Я даже захохотал. Он улыбнулся. С оттенком легкого превосходства.

— Ну, до свидания, товарищ Бутин. Меня люди ждут.

— Вы мне только подскажите идею...

— Черт вас подери?! — возмутился я. — Да если бы у меня были идеи, я бы давно сам изобретал и творил.

— Значит, не знаете?

Я пожал плечами.

— Тогда зачем же вы мне голову морочите? — сказал он.

Я едва не задохнулся от возмущения:

— Ступайте-ка вон, гражданин.

— Выгнать человека — это вы можете. На это вас хватает, — сказал Бутин. — Но мы найдем правду. Сидел тут до тебя мордастый такой, тоже меня выставлял, а теперь с инфарктом лежит. Третий месяц.

— Ладно, — чтобы заставить его уйти, — сказал я. — Подумаем.

— Вот и молодец, — просиял Бутин и похлопал меня по плечу. — За мной не пропадет.

Наутро я просто обалдел. В кабинете за моим столом сидел Бутин и листал журнал «Здоровье».

— Привет, старик, — сказал он. — Как успехи?

Я хлопнул дверью и доложил начальству, что заболел.

— Тебя ждут, — шепнула жена в прихожей. — Твой соавтор.

Я взглянул в комнату. Бутин, развалившись в кресле, курил мою любимую трубку.

— Как здоровье? — полюбопытствовал он. — Ты дай не расслабляйся, старик. Работать надо.

— Послушайте, Бутин,— сказал я.— Имейте совесть!

— Я же не для себя,— сказал он,— для науки.— пристально посмотрел на меня мягкими голубыми глазами.

Путая следы, я перебрался на дачу. Через неделю расслабился и в электричках не крутил головой по сторонам, а спокойно читал газету.

Но однажды меня разбудило треньканье велосипедного звонка. Я выглянул в окно. Бутин привязывал забору свой велосипед.

Завидев меня, он приветливо помахал рукой.

— Ты, наверно, беспокоился. Я к родителям ездил Скотинку забивать.— Он широко улыбнулся и показал жестом, как это делается.

Я вылез через щель в заборе, огородами добрался до станции и в тот же день, оформив отпуск, улетел на юг.

Хотя я перекрасил волосы и приклеил бороду, на душе было смутно.

Я, видимо, вел себя настолько подозрительно, что стюардесса вызвала пилотов, и они проверили мои документы.

Море в Гаграх было теплым, а песок горячим. Я стал чернее эфиопа. Мама бы не узнала.

— Не схвати удар,— посоветовал чей-то знакомый голос.

Я вздрогнул. Надо мной стоял мой соавтор.

— Я тебе логарифмическую линейку привез,— сказал он.— И писчей бумаги.

Выбора у меня не было. Позади была вода, а впереди, довольно ухмыляясь, стоял Бутин.

Я нарисовал вечный двигатель.

Бутин деловито уложил эскиз в чемодан и отбыл.

Потом я получил от него телеграмму: «В центральном бюро сидят догматики и рутинеры. Осуществляю давление. Мужайся».

Вернулся Бутин через месяц. Вид у него был такой,

будто все это время он переплывал на плоскодонке Тихий океан. Под глазом тускло светил застарелый синяк. Однако Бутин был горд и степенен.

— Можешь меня поздравить, старик,— сказал он и показал новенький патент.

— Но это же абсурд!— завопил я.— Вечный двигатель невозможен!

— Они тоже так думали,— сухо заметил он.— Поначалу.

СЧАСТЛИВЫХ ПОЕЗДОК!

В предпраздничный вечер Мохин стоял на вокзальном перроне и готовился к решающей попытке в электричку. Это была его третья за сутки попытка. Толпа на перроне выжидательно притихла, но по опыту Мохин знал, что это обманчивая тишина.

Когда двери электрички с шумом раздвинулись, штурмующие колонны, размахивая узлами и чемоданами, с победным ревом бросились вперед. Мохина занесли в девятый вагон, где он попытался за что-нибудь ухватиться. Это ему не удалось, и его потащили к другим дверям...

Очнулся Мохин на перроне. В темноте быстро удалялись красные фонари электрички, а рядом, всхлиывая, здоровенный парень в олимпийском костюме собирал лыжные останки.

Мохин представил себе бабушку, к которой он стремился всей душой, дымящиеся пельмени на столе и решительно поднялся. Навстречу ему шел дежурный с повязкой на рукаве.

— Товарищ, скажите...— обратился к нему Мохин.

Дежурный лихо козырнул, достал какой-то блокнот и карандашом сделал отметку.

— Дорогой гражданин! За мою смену вы двести

первый человек, которому пужна справка. Наша служба — к вашим услугам. При вокзале имеются комната матери и ребенка, буфеты, три киоска «Союзпечати», парикмахерская, почта и туалет.

— При чем тут все это? — поморщился Мохин. — Просто не в силах уехать, а следующая электричка будет только утром.

Дежурный задумчиво склонил голову в форменной фуражке.

— По интересующему вас вопросу обратитесь к тов. вахтеру Носову, второй этаж, кабинет № 3.

Мохин направился к зданию вокзала. На дверях кабинета сияла табличка «Тов. Носов М. М.». Мохин толкнул дверь.

Тов. Носов М. М. стоял перед картой железнодорожных сообщений.

— Извините, — с порога заявил Мохин. — Я хотел выехать в соседний город.

— Это сущие пустяки при наших возможностях, — готовностью отозвался Носов М. М. — Желание пассажира для нас — закон. Каждую минуту в движении находится сто сорок шесть поездов. Пятьдесят семь составов на стоянке, а тридцать девять ждут своего отправления. Каждую минуту мы перевозим сто восемь тысяч триста двадцать пять пассажиров.

— Но я не могу уехать! — возопил Мохин, потрясая билетом. — Я прошу мое законное место в вагоне.

Товарищ Носов глянул на часы и холодно посмотрел на посетителя, уже в упор его не видя.

Выходя из кабинета, Мохин демонстративно хлопнул дверью, но не рассчитал, и только вывихнул себе палец.

— Осторожнее, — протестовал Мохин в медпункте, когда сестра неловко дернула посиневший перст.

— Терпеть! — скомандовала она. — Медслужба нашей дороги ежедневно обслуживает триста пятьдесят пассажиров. По многим показателям мы давно перегнали...

Кого именно мы перегнали, Мохин узнать не успел: санитары ввели обросшего мужчину.

— Семь тысяч мест в час, — объявил мужчина и жутко захохотал.

— Этот еще откуда? — строго спросила сестра.

— Из камеры хранения, — доложил санитар. — Чемодан хотел сдать. С позавчера...

— Здравствуй, племя младое, незнакомое, — вдруг пробормотал незадачливый транзитник, рухнул на тахту и закрыл глаза.

— Что вы сидите? — испугался Мохин. — Он сейчас умрет!

— Без паники! — сказала сестра. Наша медслужба ежегодно обслуживает пять тысяч стрессовых больных. И никто еще не жаловался.

Придя домой, Мохин собрался с мыслями и написал письмо в газету «Транспорт».

Через месяц пришел ответ. Мохин дрожащими руками вскрыл конверт. На фирменном бланке, один вид которого внушал трепет и почтение, стройно расположился машинописный текст:

«Уважаемый товарищ Мохин. Общая длина железнодорожной сети нашей страны составляет 150 000 км. Пассажирский транспорт имеет 20 000 000 посадочных мест. В каждом поезде дальнего следования есть вагон-ресторан, где пассажир может приятно провести время в пути. Вагоны отечественного и импортного производства оборудованы кондиционерами и радиофицированы, чтобы пассажиры чувствовали пульс планеты. Решаются вопросы об установке в купе телевизионных приемников, о бесперебойном снабжении пивом и безалкогольными напитками. Счастливых вам поездок!»

Родился и живет в Златоусте. Закончил Челябинский институт культуры и в настоящее время выступает в роли единственного представителя сильного пола среди библиотечных работников города Златоуста. Печатает юмористические рассказы в журнале «Урал».

УЧЕБНАЯ ЕЗДА

У здания Тенетинской автошколы затравленно запылали тормоза загнанного в пар «Москвичонка». Инструктор Федя вылез наружу, оглядел «толпу». «Толпа» — это кучка по-девичьи застенчивых курсантов-любителей, плотоядно, однако, жаждущих за кровные свои сто пятьдесят научиться искусству вождения автомобиля.

На Феде черный, слегка засаленный пиджачок и отечественного производства джинсы с этикеткой, изображающей персонажей всемирно известного мультфильма «Ну, погоди!» Благоухал он, как и всякий уважающий себя шофер, бензином АИ-93 и считал себя прирожденным асом дорог, а также бездорожья.

— Кто ко мне на девять? — оглядывая «толпу», спросил Федя.

От кучки автолюбителей отделился щуплый взерошенный человек по фамилии Боровичков. Отделился и как-то боком, зигзагом, пошел к Феде, улыбаясь несмело. Боровичков не был еще счастливым автомобилевладельцем, но зтем был наисчастливейшим. Теща его обещала Боровичкова оладить — «Ладу» подарить.

— Я на девять, — робко сказал он.

Когда Федя видит физию Боровичкова, ему почему-то востерпно хочется пива. Вот и теперь, глотая слюну, он

паруг ощутил такую злую пивную жажду, что едва удержался, сплюнул только.

— Садись!

В этот ласковый субботний день Боровичков очень нормально тронулся, плавно, не заглушив двигатель. И Федя, закуривая с удовольствием свои «термоядерные», похвалил его, назвав «молотком».

Но пока Боровичков туго додумывал, что общего между ним и молотком, машину изрядно трянуло. Они везли на единственную в этом месте улицы яму, черную дыру, которая таинственным, непостижимым образом гипнотизировала всех начинающих.

— Слов нету, одни буквы! — дурным голосом ревел Федя, подымая выпавший окурок. — Куда гонишь?

Далее сыпались уже одни буквы, и Боровичкову вдруг показалось, что рулевое колесо перед ним стало увеличиваться в размерах, а он сам — уменьшаться, таять...

Поскольку Федя не переваривал свою профессию инструктора и относился к ней как к повинности, он всячески украшал эту повинность, чтоб не скучать. Вот и сегодня, посадив в машину с Боровичковым приятеля и двух девушек в шляпках, он повез их на барахолку.

Болтала компания анекдоты «черного» юмора, и Федя, мня себя хозяином положения, тихо и властно шел. На заднем сиденье, радуясь даровой езде, хихикали девушки и глядели в затылок скрюченного Боровичкова. Эти взгляды зудили Боровичкова, и он потел, стесняясь вовремя переключать передачи. Федя костерил его.

Приехали на барахолку. Шумная компания под предводительством Феда скрылась в нестрой толпе.

Вскоре подъехала еще одна учебка, на которой курсант-любитель Слесарев привез на барахолку своего инструктора Подколесина.

— Возишь? — грустно спросил Боровичков Слесарева.

— Вожу, — отвечал тот.

После вез Боровичков пассажиров, куда ему велели, в магазин винно-водочных изделий.

— Слышь, земля, — обратился к нему самый дохмтый из компании, — дай десятник.

Раздумывать, входит ли это в обязанности курсанта или нет, Боровичков не стал и дал безропотно двугривенный.

— Какой знак проехали?! — рякнул Федя в путь. Мертвой хваткой сцепившись в руль, Боровичков теперь не видел ничего, кроме дорожных знаков, и скорывъехав на трамвайные пути, стопорнул — двигатель заглох.

Сразу Федю стало не узнать — до чего его всего пердернуло.

— Завтра же посажу всех на колодки! — заикаясь от возбуждения, пообещал он. — Поездите у меня!

У центральной бани, куда инструктор приезжал по какому-то очень важному делу, мотор у Боровичкова опять заглох. «Пива! Пива! Пива!» — страшно запыло Федя. Завалыв буквами бедного Боровичкова, он приказал завести машину рукояткой:

— Ручками, ручками!

Это был предел. Такого не мог вынести даже курсант.

— Нет, — веско сказал он, как пулю отлил.

— Что?!

Зависла тягостная, неудобная пауза, только слышно было, как инструктор Федя часто моргал то левым, то правым, то обоими глазами вместе: ждал.

— Ничего, — сказал курсант Боровичков.

Из открывшегося от удивления Федеиногo рта квели вывалился окурок, и запахло палеными джинсами отечественного производства.

Просто, ключом зажигания, заведя автомобиль, уже другой, какой-то новый Боровичков повел машину. «Москвич» словно шел, чувствуя верную, хорошую руку, и не видал уже затравленно — пел...

Рудольф Шипулин

Все самое важное происходит с ним в Свердловске. Здесь он однажды родился, здесь учился и работал в научно-исследовательском институте, опубликовал в «Вечернем Свердловске» свои первые эпиграммы, здесь работает корреспондентом газеты «Уральский рабочий».

ПРОСТОЙ ВЫХОД

Сообщается от прадедов
потомству:
«Очень много можно сделать
по знакомству...»
Почему же мы так долго
перемонимся?
Ну давайте все, как есть,
перезнакомимся!

СКРОМНЫЙ ГЕРОЙ

Кто на свете
всех скромнее,
Всех отважней и смелее?
Кто за правду
бьется в дым? —
Безусловно, аноним.

КОМПРОМИСС

Поднажмут на человека —
он и скис:
Не согласен, а молчит
да соглашается...

В общем, многие идут
на компромисс,
Но не каждый из ушедших
возвращается.

МЕЖДУ ПРОЧИМ

В порядке чуть ли не рабочем
Мы произносим налегке:
— Продраим!
Взгреем!
Пропесочим!
О человеке, между прочим,
А не о медном котелке.

ГОЛОВОЛОМКА

Прямой ответ еще не дал никто:
Какой работник
более удобен —
Когда он не способен
ни на что,
Или когда, увы,
на все способен?

АКСЕЛЕРАЦИЯ

Да, пути акселерации туманны:
Не понять, какие действуют тут силы?
Ведь встречались же когда-то
великаны,
А теперь все чаще —
дылды да верзилы.

В ОВЕЧЬЕЙ ШКУРЕ

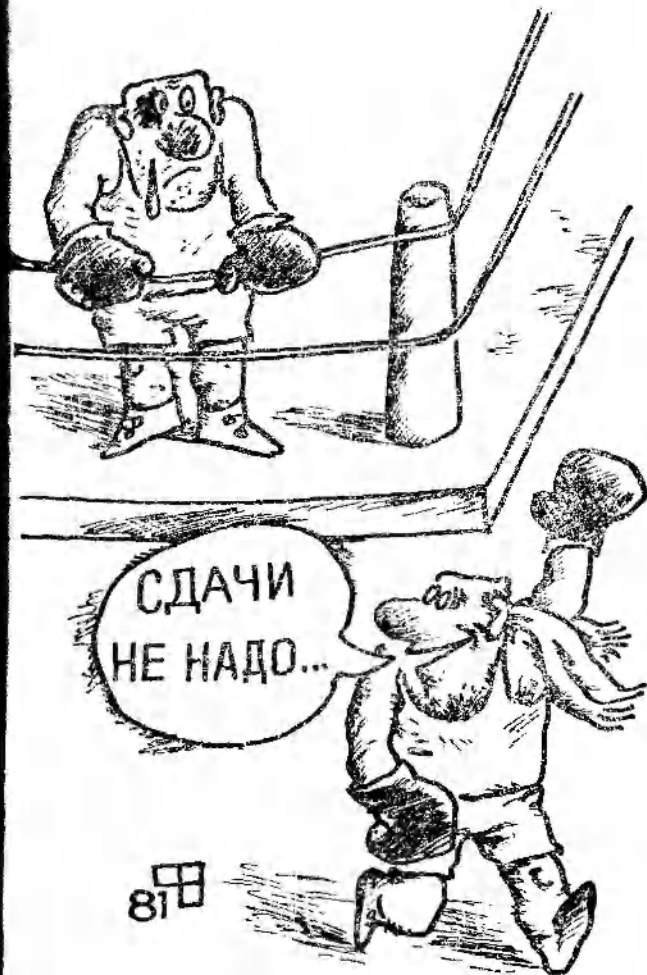
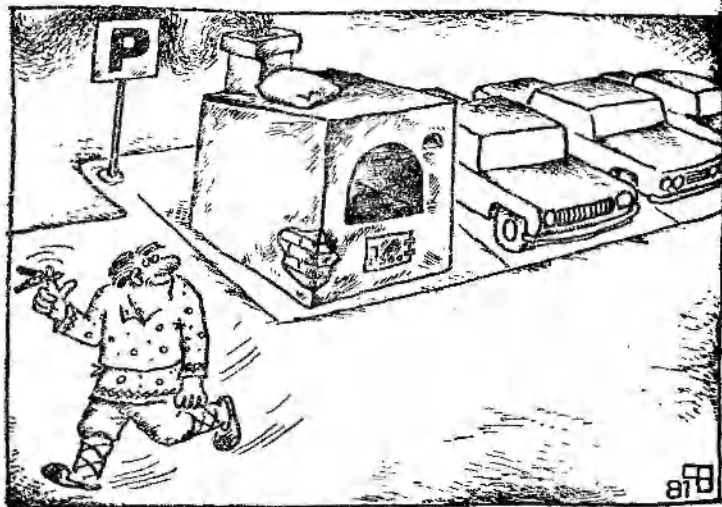
На вид — овечка.
Ежечасно
Готов кивать и вторить вам...
Ах, как он ест
глазами страстно
Тех, кто ему
не по зубам!

ЯБЛОКО НЬЮТОНА

Меня отнюдь не удивляет,
что Ньютон
В полете яблока
сумел открыть закон.
Зато донельзя изумляет,
почему
Не втерлось яблоко
в соавторы к нему?

Виктор Федоров

Старший инженер Челябинпромеца. Первую карикатуру нарисовал, находясь на военной службе, для газеты «Суворовский натиск». Армейскую закалку сохранил. С той же настойчивостью атакует редакции различных журналов.

Корреспондент газеты «Вечерний Свердловск». Заядлый турист. Путешественник, вступил однажды на тропу юмора, которая привела его в журнал «Урал» и в эту книжку.

ЭВМ и удача

Нам купили машину. С длинным-предлинным названием. Коротко — ЭВМ. Случилось это так. Целый год отдел находился на годовом тайке, даже сократили две единицы. А в декабре вызвали начальника «сверху» — отсюда он принимался в мыле. Оказывается, экономили-то зря, и вот теперь решили потратиться и купить ЭВМ. Так как две единицы, а следовательно, и два стола сократили в нашем отделе, то и решили поставить ее нам. Мы стали «сектором ЭВМ».

Потом прибыли brave бородачи, установили машину, поучили нас составлять программы и уехали. А машина осталась.

Понемногу к ней привыкли. На панель удобно ставить сумки, а если к перерыву включить кондиционер, то после обеда до самого вечера можно на ходу молоко хранить. И неизвестно, чем бы все кончилось, если бы не журналлет из местной газеты. Заскочил он в наш отдел по какому-то пустяку, рассказал пару анекдотов, а потом увидел машину и спрашивает:

— Что это?

— ЭВМ, — отвечаем.

— А что делает?

— Ничего.

Загрустил журналист, но так как задание у него было на положительный материал, то уточнять не стал. Попрощался, а перед уходом сказал:

— Вы бы хоть «Спортлото» на ней считали.

И ушел. А мы задумались: почему бы, действительно, не попробовать? Ведь кое-кто у нас баловался этой игрой с 49 неизвестными. А где взять основу? Нашли телефон журналиста, позвонили ему: дескать, откуда такая идея.

— А у моего товарища жена работает в «Спортлото». Они там для рекламы выпустили бюллетень с числами предыдущих тиражей. Я вам привезу.

Действительно, привез. И мы принялись за работу. Сначала стали составлять программу и тут же уткнулись в вопрос — а какую? Что взять за единицу? Частоту выпадения чисел в группах? Или выпадение конкретного числа, тройки, например? Решили проверить оба варианта, благо память у машины большая.

Работаем, получаем числа в отдельности и в группах. Заполняем карточки и даже изредка угадываем. Появилось «Спортлото-2» — программы усложнились. Ведем в отдельности линии и «Спортлото», и «Спортлото-2», и даже сложили их вместе. Потом «Субботнее Спортлото» — и еще усложнение. И отдельно сго числа считаем, и в сумме со всеми предыдущими «Спортлото», и в сумме с каждым из них в отдельности.

Соседние отделы узнали, приходят к нам, просят дать варианты, нами просчитанные. Даем копию, ибо первый экземпляр оставляем себе, чтобы знать, кто выиграл. Кое-кто даже на четыре угадывает.

Только начальство на нас все косо поглядывало. Но лишь до сегодняшнего дня. А получилось вот что.

С утра, имея на руках только что объявленные числа обеих тиражей, мы приступили к дополнению уже существующих программ. А потом кого-то осенило: что если подсчитать не числа, которые вышали, а наоборот — неудачные?.. Идея всем понравилась. Принялись за работу. В самый разгар ее в сектор входят четверо. Стали у дверей и смотрят. Никто на них покачалу не обратил внимания. Стоят и пусть себе стоят.

Лишь минут через двадцать наш главный программист все же осведомился:

— Чего надо?

Спросил, конечно, грубо — за ним такое водится. А те помолчали, потом один снял шляпу и вежливо спросил:

— А что, мы мешаем?

— Конечно, мешаем. Мы же работаем.

Программист хотел еще что-то сказать, но тут его отвлекли:

— Ты посмотри, что они натворили. У них там сбои на матрицах усреднения, а они...

Познакомцы постояли-постояли и ушли. А в полдень по всему НИИ разнеслась страшная весть — комиссия и главка. Проверяет все, в том числе и использование ЭВМ. Мы и ахнули все...

Месяц институт лихорадило, особенно наш сектор. Ходили слухи, что в дирекции изготовлены два приказа (в зависимости от результатов комиссии). Один с «вышибальным маршем», другой — «выговорной». И когда шеф вызвали к начальству, все замерло.

Вернулся он не скоро. Молча стал у двери, вынул из кармана бумагу, развернул ее и зачитал:

— «...Кроме того следует отметить, что в последнем приказе по главку наш институт отмечен как единственный, в котором к моменту приезда комиссии сектор ЭВМ работал в полную силу. Исходя из этого, приказываю выдать премии и объявить благодарность...»

— Кончайте англодировать, — сказал шеф, — дайте последние варианты «Спортлото». Директор тоже хочет попытать удачу...

Сергей Тупицын

Работает редактором молодежных передач Пермского телевидения. Юмористические начинания одобрила газета «Вечерняя Пермь». Печатался в областной газете «Звезда», в «Неделе», «Юности», «Студенческом меридиане», «Литературной газете».

АТТРАКЦИОН

Уж больно мне хотелось на «мертвой петле» прокатиться: есть такой аттракцион в парке отдыха. Здорово, говорят. Вверх — вниз — вверх, а в животе — спазмы.

Только опоздал я: сел, пристегнул ремни, поднялся самолет вверх, медленно поднялся, перевернулся и замер.

— Все! — кричит мужик, что при аттракционе. — Сезон кончился. Опущаю.

— Не надо, — говорю, — я подожду.

— Чего? — не понял мужик.

— Начала нового сезона, — отвечаю.

— Дык, — сказал мужик, залер аттракцион на цепь и ушел на пещию.

Вишу головой вниз, неудобно вишу, но жду. Жена прибежала.

— Слезай! — кричит. — Так много не заработаешь.

А я головой молчу. Уж больно хотелось, чтоб вверх — вниз, и чтоб в животе — спазмы.

Жена, добрая она, тулуп и валенки на шесте подала. И вовремя: снег пошел. Жду.

Понял,у целовка было висть: кровь к голове приливала, да и ремни давили, но уж больно хотелось, чтобы вверх — вниз и — спазмы. Жду поэтому.

Друзья пришли.

— Псих! — кричат. — Кому что доказываешь?

А я жду. Детишки снежками в меня кидают. Меткие детишки. А я жду.

Потом таять начало, флора распустилась, а в ней пернатая фауна запела. И пришел с пенсии мужик, что при аттракционе. И громыхнула цепь, торжественно и ржаво.

— Дык! — веселые ощерился мужик.

А мне что-то страшно стало. Привык ждать.

Вылез я из самолета, неловко вылез, потому как ноги затекли, и пошел. А валенки намокали и кисли в весенних мужах.

Вячеслав Смирнов

Помощник машиниста вращающейся печи на комбинате «Сухоложскцемент» в городе Сухой Лог Свердловской области. Убежден, что юмор в жизни нужен так же, как цемент на стройке.

НАСТАВНИК

Загружали кирпичом пульман. Кадровый грузчик Василий Петрович рухнул на кучу древесной стружки, предназначенной для простилки кирпичных рядов, с минуту понаблюдал за молодым напарником и хлопнул возле себя широченной ладонью.

— Фелька, падай рядом.

— Вот еще! Что я, красна девка валяться с тобой на соломе?

— Подь ты к шути зубоскалить, — посоветовал Петрович малому. — Посиди, говорю.

— Не хочу: не устал пока, — заупрямился разгорячен-

ный работой дарень. — Смена только началась — и уже перекур...

— Садись! — повысил голос до приказной тональности старший. — Потолковать надо. Или запомнил, что вчера на собрании решили приставить меня к тебе наставником?

— Я забывчивостью пока не страдаю. Помню.

— Вот и бросай работу. От нее лошадидохнут и тракторы глохнут. Наставлять сейчас тебя буду.

По лицу крепыша скользнула слабая усмешка.

— А стоит ли? — полубодуэтствовал он, вграюписывая очередную ряд от стены до стены кирпичом. — Что я, маленький?

— Не маленький, а молоденький, зеленый, значит. Не такой, конечно, желторотик, какие приходят из ГПТУ на завод, но все же...

— Дядя Вася, обижаетесь! Я в армии уже отслужил!

— Ну и что? Хотите сказать: здорово возмужал? Материнское молоко на губах, разумеется, обсохло, а умишка пока не лишка. Тебя настоящей работе грузчика еще учить да учить надо.

— Чего тут мудреного? Бери больше да кидай дальше. Эта профессия особого мастерства не требует.

— Как сказать... Да прекрати же бухать пачками кирпича! Успеешь навкальваться. Работа не волк — в лес не убежит. Раз меня назначили твоим наставником, и обязан воспитывать тебя, а ты будь добр не пересчитать. Садись, говорю!

Из груди малого вырвался вздох сожаления, как у человека, пасивно отлученного от любимого занятия. Шлепнув об пол снятые рукавицы, он сел на стружку к напарнику спиной и мимостивно согласился выслушать его.

— Валяй... Воспитывай.

— Повернись, — потребовал наставник. — Я к нему — всей душой, а он ко мне — тылом. Так вот, так робить нельзя, как ты вкалываешь.

— Это еще почему?!

— Износишься преждевременно. Надолго, говори тебе не хватит. Человек — не автомат. Ему периодически отдыхать необходимо. А ты буквально измываешься на собственным организмом. Как с утра примеешься вкальвать, так до обеда безостановочно, перекусишь и — снова до пересмены.

— Разве нельзя работать с полной отдачей сил? Это, подло — выкладываться на работе, что называется полностью?

— Конечно. С такой работы не станешь богатым, будешь горбатым.

Федор в задумчивости почесал затылок и спросил:

— Дя Вася, а ты знаешь, что нам сказал наш замполит, когда мы уезжали из части на гражданку?

— Откуда я могу знать, если меня там не было?

— А он сказал вот что: «Говариши демобилизованные солдаты, вы славно отслужили свой срок. Теперь разъезжайтесь по домам. Так служите же Родине честным трудом на колхозных полях и заводах так же, как служили в армии. Помните: труд — основа жизни, экономики государства и источник всех благ для людей. Только от труда зависит благосостояние народа, культура людей, их здоровье, мощь армии и государства...» Здорово толковый военачальник был. Красиво говорил — заслушаешься. Мне навсегда забали в душу эти его слова о труде. И я решил трудиться только честно. А ты говоришь иное. Так кому верить?

— Эк куда хватил! — Петрович аж крикнул с досады и сиюнул. — Замполит! — передразнил он. — А я, значит, учу тебя глупостям? Так, так... Да замполит обязал это говорить: ему за это деньги платят.

— Ну, хорошо, — внезапно согласился Федор и предложил: — Дя Вася, посмотри в проем пульмана на стену цеха. Что ты видишь?

— И плакат на стене: «Береги рабочую минуту».

— Правильно... А ну-ка, сверхобразованный наставник, объясни мне, не наставнику, зачем же вывешен этот немой агитатор? Уж не для того ли, чтобы этот призыв реально воплощать в действительность, чтобы работать честно, а не лодырничать, чтобы бороться за уплотнение рабочего дня? Забивко получится! Как можно беречь минуту, если мы напрасно тратим часы? Второй час бьем баклуши. Более того, почему и, молодой рабочий, должен разъяснять кадровому, что работать надо прилежно? Не находишь ли, дя Вася, ты это слишком потешным и парадоксальным?

— Вот это меня и интересует! — взревел вдруг побитый Петрович. — Кто кого наставляет? Без году неделя робил, а берешься поучать! И старие и гораздо опытнее тебя!

— Не спорю. Но поучиться мне у тебя нечему. Поэтому я слушаюсь тебя не буду. С палталуку только сбиваешь. Сам не работаешь и мне не дашь отличиться. А у меня руки зудят — так хочется работать. Наставник лучше дома свою жену.

— Она и сама неплохо наставляет... А в длительной прочистке мозгов ты все же нуждаешься, паря, и остро! Плакаты... Замполит! Что же ты хочешь? Это ведь пропаганда! Понаучились умничать да рассуждать, а ураумень, что всерьез воспринимать призывы не обязательно, — на это ума не хватает...

— Но дя Вася!.. С такими черепашьими темпами и убийственной медлительностью пая не забросить пульман и за неделю, не то что за восемь часов. Уволят же, если будем столько времени сидеть.

— Вот оно, молодозелено! Сразу видно, что недавно работал грузчиком. Не дрейфы. Не уволят. В наше время грузчик на вес золота. Теперь легче пайги нижещера или технолога, чем нашего брата, потому что все шибко грамотные стали. И все хотят быть космонавтами, хоккеистами, артистами или, на худой конец, завбазами.

А разгружать и грузить вагоны желающих нет. Дикость! считают парни в атомный век таскать на хребту тяжести! Потому и вагоны на каждом предприятии простаивают, за что железная дорога душит предприятия крупными штрафами. А дело не идет на лад. И не пойдет. Для перевоза грузов нужны вагоны, а не штрафы, кстати, которые администрация выплачивает не из своего кармана. Тут бы механизировать трудовые операции. Но руководителям не до того — текучка заедает. А если точно говорить, живут в свое удовольствие и считают заботу о подчиненных и интересах государства лишней. Что же касается заработка... Ты, Федька, небось воображал будто чем лучше будешь работать, тем больше получишь денег?

— А как же? Нац армейский замполит, помню, так и говорил на одном из занятий: «Основной принцип социализма — чем человек лучше работает, тем больше получает благ».

— Заладил: замполит, замполит... А у нас наоборот все! Чем хуже работаешь, тем больше получаешь. Нац смелка, конечно, получается над основным принципом материальной заинтересованности, но факт есть факт.

— Как так?!

— А вот так. Обратил внимание, сколько сейчас на заводской территории во всех тупиках скопилось вагонов? Все их надо выгружать и загружать нашей продукцией. А некому: грузчиков нехватка. Вот вагоны и копятся, наматывают простой. Но такое безобразие творится обычно с первого числа месяца по двадцать пятое. А затем начинаются аврал и штурмовщина, что наилучшим образом содействует наведению порядка. На разгрузку и загрузку вагонов пригоняются рабочие из всех цехов, и в последнюю неделю месяца все вагоны до одного обрабатываются. Вот тут-то и наши мастера не теряются. Обрабатывают вагоны рабочие других цехов, но им платят среднесдельный заработок. Однако и за выгруженно-

погруженный тоннаж кому-то надо платить. Не сами же вагоны разгружаются. Поэтому наши мастера на этот тоннаж выписывают наряды нам. Смекнаешь?

Василий Петрович взглянул на ручные часы и заулыбался:

— Ого! Однако мы заболтались. На обед пора. Да, чуть не забыл. Мастер наказывал зайти тебе в конторку талоны получить на бесплатные обеды и мыло. Ну, потопали в столовку. Добеседуем после обеда. Так-то Федя... Наматывая на ус мудрость старших. Дядя Вася дурному не научит!

Владимир Постолев

Работает слесарем-сантехником в одном из ЖЭУ города Свердловска. Поток критики в адрес своей профессии воспринял своеобразно — сам стал писать... эссе-граммы.

КАЖДОМУ — СВОЕ

Да, в жизни всяк несет свой крест,
И, видно, так и должно быть:
Один живет, чтоб больше есть,
Другой не ест, чтоб дольше жить.
А третьим — творческие муки,
Чтоб первых двух спасти от скуки.

СВЕРДЛОВСКИМ ПОЭТАМ

С тех пор, как солнце светит нам из туч,
Немало бардов было на планете...
Одних когда-то вдохновлял Кастальский ключ,
Других — Амур, а мы пьем из Исети.

Ваюрий Рокух

Этот странный псевдоним придумали, чтобы объединить вместе свои подлинные имена, Валерий Рогожников и Юрий Кулмаков — два инженера, родившиеся в Свердловске и работающие на одном из заводов.

Подражания И. И. Тарабукину

ПРОМЕТЕЙ

На рождество среди гостей
был в нашем доме Прометей.
Потом пропала зажигалка.
Хоть заграничная, а жалко...

ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Раз, проскируя сапузел,
Гордый отверстие заузил.
И с той поры наш тяжкий крест —
Существование узких мест.

ГЕРАКЛ

Был подвигами знаменит
Геракл во время оно:
крал яблоки у Гесперид,
коров — у Гериона.
Его по всей земле народ
и чтит, и прославляет...

У нас завхоз давно крадет,
а кто об этом знает?

Карикатуристы «Хэнэка»

Художники-сатирики, объединяющиеся вокруг выходящего в Уфе на башкирском языке журнала «Хэнэк». Они неоднократно бывали в гостях у журнала «Урал», участвовали во Всесоюзных и международных выставках карикатуристов, печатаются в сатирических журналах братских республик. Им хорошо: переводчиков искать не надо!

— Что стоим?
— Рабочий день кончился.

Рис. А. Штабеля

Выпускник Уральского политехнического института, руководитель группы института «Уралпроектмонтажавтоматика» в Свердловске, вечный участник художественной самодеятельности. Юмористическое дарование обнаружил еще в студенческие годы: в любом спектакле смотрелся как конферансье.

А БОГИ ЖИВУТ РЯДОМ

Как-то утром звонят в прихожей. Иду открывать. Вижу: на пороге стоит соседка — жена нижнера Бибикова. Вид у нее ужасный: халат расстегнут, волосы расстеганы, в глазах — слезы.

— Что случилось? — спрашиваю.

— Все кончено! — говорит. — Дайте мне водички...

Даю водички. Она пьет, цокает зубами по стеклу и все повторяет:

— Мерзавец! Боже мой, какой мерзавец!

— О ком это вы говорите? — спрашиваю.

А она:

— О муже! — и снова в слезы.

Я говорю:

— Успокойтесь, пожалуйста, и расскажите все по порядку, а то мне непонятны ваши слезы, зачем они?

Тут она немного снаружи успокоилась, присела на диван-кровать и начала по порядку:

— Дорогой мой Иван Пафнутыч! Ведь я любила его, как проклятая! Незачем говорить, вы это и сами знаете. Даже тогда, когда он весь наш медовый месяц ночи напролет высиживал на кухне свои бездарные стихи... Вы, наверное, не знаете, что он пишет стихи? Пишет!

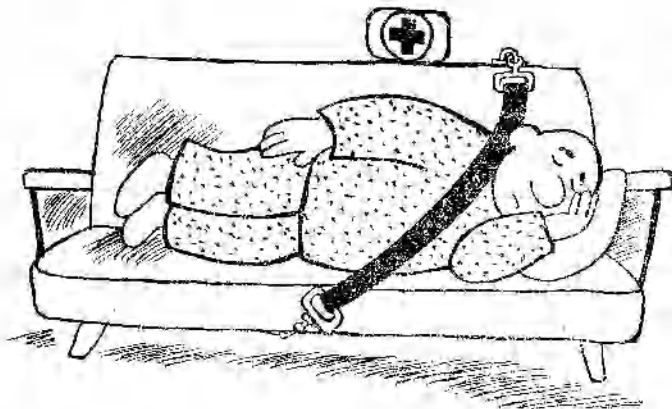

Рис. А. Пилова

Рис. С. Фидесва

И утром и вечером, когда супругам, сважем прямо делать нечего, он пишет стихи! Это, говорит, мое второе призвание. Я — поэт, а жена поэта должна уметь ждать. Я давно уже заподозрила, что с ним неладно, но стала ждать. И дождалась!.. Как-то захожу в ванную комнату и вижу: там стоит лошадь. Представляете? Живая лошадь!

— Простите меня,— говорю я,— но этого не может быть. В наших совмещенных ванпах лошадь не поместится.

— Дорогой Иван Пафнутьич! — восклицает она, прижимая руки к взволнованной груди. — Представьте себе поместилась! Здоровенная кобыла!.. Я тогда перед ним так вопрос поставила: или я, или лошадь! Нам с ней вдвоем в одной квартире не жить! Думаєте, он ее выставлял? Дудки! Он перетащил ее из ванной в чулан. По сей день там прячет!

— А вы не заметили,— спрашиваю,— в этой лошади чего-нибудь необыкновенного? Крыльев, например, не заметили?

— Как же,— говорит,— были у нее на спине крылышки. Маленькие такие.

— Все понятно,— говорю.— Так я и думал. Это не лошадь. Это — конь. Пегасом его звать. Поэты всегда его при себе держат: он для них вроде основного оборудования. Однако продолжайте, обожаемая, не смею вас больше перебивать.

— Ну, я с этим постепенно смирилась,— продолжает она.— Пусть себе будет в квартире животное. Все не так одиноко... Но сегодня ночью... — Она слова зашлакала.— Простите. Я так взволнована... Дорогой Иван Пафнутьич! Вы — самый близкий мне в этом доме человек. Только вам я могу рассказать... Так вот, выхожу я сегодня ночью на кухню и вижу: сидит он, муж мой, а напротив него — пагая девица! — Соседка зарыдала в голос.

Плачете,— говорю я.— Плачете, бедная. Вам легче

будет. Вот вам платочек носовой. А что, девица — совсем пагая была?

— Совсем! — рыдает она.— Совсем. В одной простыле закутана... В волосах бижутерия... Глаза бесстыжие: из современных, видимо...

— А не заметили вы, что у нее в руках было, у девицы этой?

— Ах,— рыдает она.— Какое теперь это имеет значение, когда жизнь разбита?.. Ну, держала она в руках что-то деревянное... Вроде сидения... А на нем — струны натянуты...

— Все ясно,— говорю.— Так я и думал. Девицу эту Музой зовут. Она всегда при поэтах держится. А в руках у нее музыкальный инструмент. Лири. Так что не ревнуйте ее к мужу, она ведь бессмысленная, вроде богини. Возвращайтесь спокойно домой.

— Ни за что! — отвечает соседка.— Надоели мне его фокусы! Пускай остается со своей Медузой или как там ее? А с меня хватит. Отмучилась!

— Да-а-а,— говорю я.— Бедная вы моя. Не повезло вам в жизни. Ну, раз уж так получилось, могу вам сказать откровенно, что давно я к вам равнодушна. Так что оставайтесь пока здесь. Поживите, может, привыкнете. Ну как, согласны?

— Что ж,— говорит она.— Квартира у вас, вроде, подходящая. Жаль только, этаж высоковат... А с зарплатой, небось, туговато приходится?

— Не беспокойтесь,— говорю,— обожаемая. Как раз на двоих хватит. Да у меня еще и садик свой имеется, так я ягодой поторговываю.

— Ну, а водочкой,— спрашивает,— не часто балуетесь?

— Только по праздникам,— говорю.— Как все.

— Так,— говорит она.— А вы, случаем, стихи по ночам не пишете?

— Как можно? — говорю.— Уж чего нет, так нет.

Я ведь человек простой. Бухгалтером работаю. У начальника на хорошем счету. И хобби у меня имеется: по общественной линии — домовый адвокат. Люблю, знаете законы. Кому прощение напишешь, кому — жалобу. Ну, так как? Согласны?

— Согласна, — отвечает. — Согласна! Вы — человек серьезный и положительный. Не то, что некоторые...

— Ну вот и прекрасно! — говорю. — Можете располагаться. А я, с вашего позволения, обожаемая, сейчас на работу пойду. Только об одном вас прошу: будете пользоваться кладовкой, так у меня там женщина стоит с завязанными глазами. В одной руке меч держит, в другой — весы. Фемидой ее зовут. Богиня она, правосудием заведует. Так уж вы не пугайтесь, пожалуйста, сделайте одолжение!

Борис Воробьев

Свердловский фельетонист. Работает в редакции «Уральский рабочий». За фельетоны, опубликованные в газете «Правда» и других изданиях, в 1980 году получила премию Союза журналистов СССР.

ПЯТНАДЦАТЬ СУТОК РАЯ

Фельетон

Пашка Тигролапов, нечадие нашего двора, вернулся после продолжительной отлучки совершенно преобразившим. Щеки его полыхали свекольным румянцем. С Пашкиной физиономии сошли синяки, полученные в честной трамвайной драке, и он почти походил на порядочного человека.

Вечером в беседе для домино Тигролапов провел

пресс-конференцию. Потягивая из большой бутылки, именусмой огнетушителем, вермут красный крепкий, Пашка рассказывал и помирал со смеху.

— Ну, дают! — жизнерадостно кричал он на весь двор. — Вот где, братцы, курорт! Жизнь на полном государственном обеспечении и никаких тебе человеко-смен. Я там на семь кэз поправился. Умора!

— Заливаешь, Пашка, — сомневались слушатели. — Как там ни толкуй, а ты был не у тощи на блинах. Да и вкальвать, гаверное, заставляли.

Тигролапов лонко швырнул пустой огнетушитель в кусты и ударил себя в грудь.

— Ты сюда гляди! — снова захохотал он. — Похож я на человека, который вкальвает? У меня ремеш на животе не сходится — силему противно. Мы начальника как просили: «Разрешите, гражданин начальник, выйти на расчистку снега. Все размазка». А он ни в какую. «При недоскоплекте згата, говорит, не могу выделить для вас сопровождающих. А отпустить одних не имею права. Так что силите и отдыхайте».

— И чем занимались?

— Больше тихими играми. Оско, бурса... С перерывами на обед и сон. Мы даже соревнования устраивали: кто дольше на одном боку пролежит. Я лично больше десяти часов не выдерживал. А инке, которые во по первому разу, рекорды ставили.

— Ну, Пашка, ну, артист! — восхищались собутыльщики. — Лонко сонниаешь...

Между тем Тигролапов, вернувшийся после пятнадцатисуточного ареста, при всей его сомнительной репутации пьяницы и дебошира, рассказывал чистую правду. Под его свидетельством могут подниматься хулиганы, отбывающие различные сроки наказания в камерах предварительного заключения. Попадая под замок, они убеждают, что страхи перед КПЗ сильно преувеличены. По сути дела, камера напоминает средней руки комнату тур-

базы с простой, но здоровой пищей и вольным распорядком дня, включая прогулки на свежем воздухе. О труде, который даже обезьяну превратил в человека, тут боятся и заикнуться. Между нечищеной мостовой и изнашивающимися от безделья арестованными Пашками лежат тысячи объективных преград.

Возьмем рядового дебошира, в пьяном виде пристающего к прохожим или организующего большое семейное представление. Доставленный в гор- или райотделение милиции, он вызывает у начальника этого карающего органа нервный тик. Надо изыскивать в местном бюджете деньги на содержание и кормление нетрезвого гостя и, кроме того, в течение этого количества суток развлекать его. Конечно, работники милиции обязаны выписывать постановления о взыскании по месту работы хулигана средств на его пребывание за решеткой. Но в горячке детективных будней люди в серых шинелях как-то забывают об этом. Недосуг руководителям миллионских органов создать фронт работ для новоселов, чтобы трудовой терапией перековать их скандальную сущность. В итоге хулиган прочно сидит на иждивении города или района, не возмещая ни на грош расходы местной казны.

Между тем все заборы пламенно закливают прохожих трудоустраиваться. Агитацию за новые кадры ведут руководители предприятий, учреждений, колхозов и совхозов, которые в условиях нынешней демографической ситуации готовы на руках внести недостающие кадры в родные селены.

Конечно, мы не предлагаем ставить мелкого хулигана или мелкого спекулянта за пульт управления электронносчетной машиной. Но почему не дать ему в руки метлу, совковую лопату или, наконец, молоток для сколачивания ящиков? Почему исполкомы Советов берут на свои плечи бесплатный прокорм содержащихся под стражей по Указам о мелком хулиганстве и мелкой спекуляции?

Одним словом, Пашка Тигроланов подумывает о том,

не угостить ли какого-нибудь слабосильного прохожего очередной зубогигиеной, не покуражиться ли на людном перекрестке, дабы продолжить курс отдыха.

Леонид Чернышов

Машинист крана мартеновского цеха Магнитогорского металлургического комбината. Юмористические наклонности обнаружены местным литобъединением. Печатается в различных газетах и журналах.

КАК МОЖНО?

Немало людей с интересной судьбой...
Иных же понять не умею.
Как можно в работу уйти с головой,
Если на плечах не имея?

ЖЕНЕ

Я без тебя и шагу никуда.
Ты каждый раз немножечко другая.
Ты лучше всех! Особенно, когда
Писать мне не мешаешь, дорогая.

Анатолий Чудинов

Пермский юморист. По специальности помощник бурового мастера, но влекут его не только земные недра, но и лавры Омара Хайяма.

Рубаи

О СПЕШКЕ

Везде успеть! Ведь дел — невпроворот!
И мы спешим. Спешим неделю, год...
Чной всю жизнь так время экономит,
Что все оно на спешку лишь идет.

О ПУТИ К ЦЕЛИ

Когда б случилось, что в один из дней
Не стало к Цели всех кривых путей,
То сколько человек бы заплутало
На ровной и прямой дороге к ней?

О ПОТОЛКАХ

— Предел твоих талантов этот пик!
Не бейся зря! — несется снизу крик...
О наших потолках мы чаще слышим
От тех, кто потолков своих достиг.

О МЕЧТЕ

Мечта, как птица, рвется в облака.
Взлететь за ней — задача нелегка.
Но и мечту, как птицу, приручают:
Подрежут крылья — и она близка.

О СУДЬБЕ

Ковать судьбу — работы нет важней.
И каждый постоянно занят ей.
Пусть даже кто-то век лежит, недвижим,
Он все равно кузнец судьбы своей.

О ЛЮБВИ

Лекарства от любви не знает свет.
Твердят об этом много сотен лет.
Но, может, излечение возможно —
Желающих лечиться просто нет?

О СЧАСТЬЕ

Все, что желал, сбылось. Окончен путь.
Но счастлив ли счастливец наш? Отнюдь!
Наверно, счастье — это все имея,
Желать хоть грамм еще чего-нибудь.

Станислав Ацмарин

Свердловский врач-гигиенист. Смешными рисунками борется с микробом уныния и другими возбудителями. Публиковался во многих газетах и журналах.

Живет и работает в городе Салавате Башкирской АССР. Окончил медицинский институт и Литературный институт имени Горького. Рассказ «Верблюд», напечатанный в «Крестодиле» в 1980 году, удостоен премии этого журнала.

ИЗ ДНЕВНИКА СТАРОГО МОЛОДОГО ПИСАТЕЛЯ

«...Ура! Соиниял-таки первый рассказ. Называется «Первый шаг». Отослал в газету. Спустя три месяца вызвали в редакцию. Состоялась интереснейшая беседа: был самовар и сушки. Предложили сделать обзор поэтической почты. Согласился. Говорят, это поможет публикаться. И правда, через полгода рассказ напечатали. Передавала по просьбе редакции четыре раза. Ура!

Но поэтической почты много, приходится вести обширную переписку с авторами, самому писать некогда.

Лед тронулся. Из областного журнала приехали письмо, хотят напечатать мой рассказ «Первый шаг». Предлагают некоторые поправки и переделки. Я на это пошел. Спустя два года напечатали. Ура!

Поэтической почты стало больше. Авторы, как я им пишу, работают мало. Что делать, огорчать неприятно, но не написан плохо, не напишешь хорошо. Сам переписывал рассказ «Первый шаг» девять раз. Иди двенадцать. «Вот что такое труд», — говорю я теперь авторам, ссылаясь на свой опыт.

Пригласили руководить литературным объединением. Согласился. Говорят, это способствует публикации. Четвертый год работаю на общественных началах. Влез в долги. Много прозаической почты. Авторы работают мало. Самому писать некогда, часто приходится встречаться с начинающими и делиться опытом.

О, ура! Из местного издательства пришло письмо — хотят включить мой рассказ «Первый шаг» в коллективный сборник. Но предлагают то-то и се-то переделать. Переписал, работал много. Спустя три года напечатали собственный текст можно было узнать.

Предлагают участвовать в совещании молодых прозаиков. Согласился, хоть времени на подготовку нет. Надо догнать рассказ «Первый шаг» до объема повести, а времени нет. Родился второй сын, много работы в газете и литобъединении. В двух школах и четырех училищах предложили вести литературные кружки. Согласился. Говорят, способствует публикациям и авторитету.

Новости! Спустя три года после первого совещания приглашают на зональное совещание опять же молодых прозаиков. Отослал повесть «Первый шаг». Вернули на доработку. Полгода урывками работал. Отослал, Вернули. Переработал. Вернули. Доработал. Приехали. Спустя полгода поехал на совещание. Много всего нового. Думался в кудурах опытом жизни и работы. Сказал, что работать надо много. Похвалили. Предложили рецензировать рукописи для местного издательства. На общественных началах. Согласился. Говорят, способствует. Влез в долги. Огромное количество рукописей, но многим авторам приходится отказывать, мало времени работают.

Ура! Через три года предложено участвовать в расширенном симпозиуме молодых писателей. Долго готовился. Отослал повесть «Первый шаг». Приехали спустя полгода после трех переработок. Через четыре месяца поехал на совещание. Ехал долго. Тем временем родился третий сын. Когда вернулся, предложили написать по моей известной повести детскую книжку. Согласился. Два года работал урывками, получилась повесть для сугубо младшего возраста — «Первые шажки». Мало времени. Много поэтической и прозаической почты. Письма читателей, встречи, поездки. Авторам приходится отказы-

Молчу.

— Ну так вот, считай. Пришел ты к нам год назад. Через неделю сжег генератор и уже тогда я понял — далеко пойдешь! Через месяц горит осциллограф, а там... С тех пор нет и месяца, чтобы ты что-нибудь не вывел из строя. Тут я и прикинул: получаешь ты сто двадцать?

— Нет, — возражаю, — сто десять.

— Извини, я думал, что тебе прибавили. Работасшь год?

— Нет. Полгода, — отвечаю.

— А мне казалось год! Ну да понятно, столько сжечь! Так вот, я подсчитал: сжег ты, не считая прибора Тимофеева, на десять тысяч рублей. Мелочь считать не будем. А что будет дальше — и представить не могу. Вот я и думаю, если будем мы тебе в месяц сто пятьдесят платить, в год это будет нам восемь тысяч рублей дохода, а на работу ты ходить не будешь!

— Как это? — испугался я. — Не имеете права. Я — молодой специалист!

— А так, — отвечает он. — Поступай в аспирантуру. Целевую. Будем тебе сто пятьдесят платить, но с условием — защишься, иди куда угодно, только не к нам!

Теперь я в аспирантуре. Мой шеф — симпатичный профессор, добрейший человек. Вечра я электронный микроскоп сжег, так он мне слова не сказал. Закрылся у себя часа на два. А потом вызвал к себе и предлагает досрочную защиту.

— Ночи спать не буду, — говорит, а сам плачет, — но к Новому году будешь кандидатом.

Мне поправилось.

— А что надо для этого сделать? — спрашиваю.

— Ничего! — закричал профессор. — Чтобы я твоей ноги здесь больше не видел. Явишься только на защиту.

Ну, я его поблагодарил и побежал в цирк. У меня как раз билет пропал.

Виталий Костромин

Юморист из Нижнего Тагила. Редактор многотиражной газеты Уралвагонзавода «Машиностроитель». За тематикой для своих юмористических рассказов не ходит дальше цехов родного предприятия.

ДЗИ-И-НЫ

В кабинет начальника цеха Фигусова с разбегу влетает токарь Чемарданов (для смелости разбежался).

— До каких пор! — закричал он. — У нас будут заниматься обдελблловкой?!

Фигусов ведеpнул брови.

— Это что за?..

— До каких пор! — перебил его токарь Чемарданов (действовала инерция разбега). — Народ возмущается! Вопрос давно назрел!..

Дзи-и-ны! — раздалось на столе.

Фигусов веpнул брови на место и взял телефонную трубку:

— Да. Да?. Понятно... У-у-у... Конечно... А как же... Пока-пока, — и, закончив, любезно предложил: — Вы сидите, товарищ Чемарданов, поговорим, обсудим...

— Что тут обсуж...?

— Как что обсуждать? Вот как раз — о чем вы говорите, об этой самой!..

Дзи-и-ны!.. Дзи-и-ны!..

— Слушаю... Ну, я... Да... Ясно... Ну... Безусловно... Само собой... Дал... Какой разговор?! Давай действуй... Так. О чем мы, товарищ Чемарданов? А, да! Очень хорошо!

— Что именно?..

— Вы прямо молодчина! Кстати, как у вас дома, товарищ Чемарданов? Все здорово?

— Спасибо. Ничего...

— Это хорошо! Здоровье — самое главное...

Дзи-и-нь!.. Дзи-и-нь!..

— Але,— Фигусов встал.— Я... Слушаю вас... Слушаюсь. Непременно... Выполним... Подтянем... Если требуется... Перевыполним... До свидания...

Он снова сел, облегченно выдохнул и торжественно обратился к посетителю:

— Значит, так, товарищ Чемарданов. С вашим вопросом мы разберемся, задействуем. Правильно сигналили! Идите и спокойно работайте...

— Так ведь я еще ничего не...

Дзи-и-нь!.. Дзи-и-нь!

СТИЛЬ РАБОТЫ

Кузьма Петрович вызвал своего зама:

— Слушай! Неужели тебе дважды повторять надо? Ждешь, чтобы я врезал?!

— Нет-нет, Кузьма Петрович. Не беспокойтесь. Все будет исполнено. Не беспокойтесь.

Зам отправился к себе и вызвал начальника смены:

— Борис Алексеевич, что же это получится?! Который раз тебе говорю?! Все-таки врезать надо, или как ты думаешь?!

— Ох! Совсем закрутился! Третий сутки план не тянем. Но изыщу резервы. Обязательно изыщу!

Борис Алексеевич побежал на участок, поймал за рукав мастера:

— Подводишь! До каких пор я за тебя отдуваться буду?! Каждый день толмачу! Ведь это же просьба Кузьмы Петровича! Захотел, чтобы он врезал?!

— Ладно. Не кипятись. Сейчас дам команду.

Мастер заковылял в столярку.

Павло, придется тебе врезать. Не открутишься

— Две смены поставишь?!

— Поставлю.

— Ну что ж, врезать так врезать,— сказал Павло и врезал пятый замок и двери скромного трехэтажного садового домика Кузьмы Петровича.

Рамазан Шагалеев

Челябинский поэт-сатирик. Три его первые книги вышли на русском языке, хотя поэт пишет свои эпиграммы по-башкирски.

ПОНЯЛИ

Они знакомылись полдня.
Назавтра в загс летели.
Друзья, соседи и родня
Гуляли две недели.
И вдруг дала развод ему
Веселая подруга.
Теперь ты спросишь почему?
Да поняли друг друга.

Перевед с башкирского
И. Рыжиков

КАК НЕ ПОМНИТЬ!

— Ах, сколько спял я в том году
Отменных яблок, страсти!
И помнишь, как в моем саду
Ты угощался властью?

— Ну как не помнить!
Я давно

Рассказываю всем,
Как ты выглядывал в окно:
Не много ли я съем!

Перевел с банкирского
И. Рыжиков

Борис Львов

Пермский журналист. Его пародии и фельетоны регулярно появляются в газете «Вечерняя Пермь». Печатался и на шестнадцатой странице «Литературной газеты».

ПРОТИВ ВЕТРА

И к женщинам иначе подхожу,
хоть до сих пор
не знаю к ним подхода.
И если на свиданье —
глажу:
что на дворе,
какая там погода?

Виктор Болотов

Луна и звезды, шум весенних струй,
признанья, вздохи —
все, простите, липа...
К примеру:
что такое поцелуй?
Простой разносчик импортного гриппа!
А было время — на руках носил.
Пока во мне
не оборвалось что-то...
И я прозрел:
объятий жарких пыл —
физическая тяжкая работа.

И к женщинам теперь иной подход.
Все чувства рассчитав
до миллиметра,
я лишь тогда
пойду на них в поход,
когда на улице
совсем не будет ветра!

СЕДИНА В БОРОДУ

Мужчины не седеют от разлук,
От них седеют женщины и чайки...

Николай Домовитов

Покуда мы обшариваем мир,
Любимые седеют от разлуки,
Но хна, романика, перекись и др.
Спасают мных от сердечной муки.

Когда ж про чайку выдал на-гора,
Что тоже поседела от печали,
Кричали орнитологи «ура»
И вслед мне что-то твердое бросали...

Уфийский поэт и писатель-юморист. Автор нескольких книг стихов и книги юмористических рассказов «Министр по делам редиски», изданной в «Библиотеке «Крокодила».

СЛОВО ЗА СЛОВО

— Агай-эпе¹, времени у нас в обрез, и вопрос, что нам предстоит обговорить, очень важный, в выступлениях, будь-де деловито коротки, с ходу берите быка за рога, — предупредил заведующий фермой Абсар. — Рассусоливать нечего, подготовка к зимовке — дело нешуточное. Надо всесторонне обдумать и высказать свои деловые предложения. Как говорится, одна голова хороша, а три-четыре — тем более. Кто желает высказаться? Миндиян-агай, с вас, может, начнем?

Сидевший на корточках у порога красного уголка Миндиян в это время был занят своим делом: медленно перекатывал между указательным и большим пальцами палпиросу, собираясь закурить, но, услышав обращение к себе, проворно сунул ее за ухо и откашлялся.

— Ты правду говоришь, Абсар-туган², много дел еще нам предстоит переделать. Навоз вывезти надобно, крышу починить. Бревна следует привезти. Всего и не перечислишь, что нужно: и гвозди, и шифер, и стекло, и прочее тому подобное... К слову сказать, единственное застекленное окно тепличника кто-то снова разбил. Опять вставлять стекло надо...

Давая понять, что на этом закругляется, Миндиян еще раз основательно прокашлялся и, достав из-за уха

¹ Агай-эпе (башк.) — друзья-товарищи.

² Туган (башк.) — родной (брат).

палпиросу, заново принялся мять ее в пальцах.

— Виновного далеко искать нечего, — поддала голос доярка Шагура. — Это не иначе как проделки Салихьяна, сына Бадердиси. Без рогатки он на удилу и не показывается. Уличный разбойник — да и только...

— Значит, таким его школа воспитывает, — возразила Мунавара, не отрываясь от вязки шерстяных носков. — Все про педагогику твердят, уму-разуму наставляют. А хулиганам плавать на эти наставления! Да и на педагогику эту!

— Когда мы без штанов бегали, вот тогда и была настоящая педагогика! — поддал голос из дальнего угла пастух Хазнахмет. — Стеганет отец по заливку черес-седельником — целый месяц, бывало, помнишь этот воспитательный момент. А сейчас не тронь его, сорванца! Словом воспитывай да лаской приваживай. А он, того и гляди, сам тебя поколотит.

— Как был ты отсылным элементом, таким и остался! — аспылила Шагура. — Школа-то тут при чем? Она цдохому не научит. Всем известно... Ой, шайтан за язык потянул!

Она смущенно умолкла.

— Уж ежели начала, договаривай! — все впилсь глазами в Шагуру.

Заприметив, что кое-кто одобрительно смотрит на нее, Шагура осмелела:

— Раз уж заикнулась, доскажу до конца. Беда в том, что малышка без отца растет. Девочки, известное дело, к матери льнут. А вот мальшине непременно отец нужен... А у нас (просите за откровенность!) сыночка безотцовщина началась. Гайиня с нижнего конца тоже на днях из больницы вернулась с ребенком в подоле. Слыхнулись с истинного пути наши маюдайки. Ни в чем мужчинам отказать не могут.

— Пустое мелешь. Бросила Мунавара, — сестра у этого мальчика отец.

— Кто? Кто отец-то? — заволновалось собрание.

— Как кто? В прошлом году заезжая бригада телятник строила. Был там парень такой, черноусый...

— Ха-ха-ха! Шабашников-то было шестеро. И почти все с усами. Ты кого имеешь в виду: Арона или Карпетяна?

Заведующий фермой с интересом ждал новых подробностей, но, чувствуя, что собрание пошло по незапланированному руслу, попытался тем не менее вернуть бразды правления в свои руки:

— Что же это вы, агай-эне, кхым... кхым... кажется, мы несколько отклонились от генеральной линии. На повестке дня — вопрос о зимовке скота...

— Да не красней ты, Абсар, никто же тебя не подозревает, — подала голос одна из женщин.

— Ну и что с того, что он заведующий фермой, зачем выгораживаешь? — отрезала другая. — А-а-а, устыдилась все-таки, знать, лишнего сенца собралась урвать?

— А твой муж — грабитель лесной! С чьего позволения он приволок во двор сруб для бани?! Или, может на собственном огороде лес вырастил?

— Кто видел? Говори, кто это видел?

— Не видел бы — разговору бы об этом не было! Вся родня твоя одним миром мазана. Жулики да прохвосты!

— Зато ваша порода — скупердяйская! Зимой снега не выпросишь. У вас от жадности-то мозги высохли. Потому что куриными мозгами питаетесь.

— Слышите, агай-эне, у всех на виду распоследним словам говорит. Я такого не потерплю! В суд подам! В товарищеский суд!..

— Угмонитесь же! — Абсар, выведенный из терпения, стукнул кулаком по столу.

— Не угмонюсь. Как я такое себе могу позволить! Пусть Шагура перестанет.

Не перестану. Прямо у всех на глазах меня по-

носит. Шепни ты мне наедине — еще куда ни шло! А ты перед всем честным народом языком, как мочалкой треплешь!

— Уж такая я есть — и за спиной, и в глаза всегда режу одну правду-матку.

— Агай-эне, будьте свидетелями, она снова оскорбила мою беспорочную личность. Я собственнилично к тебе обращаюсь, Абсар!

— Что ты хочешь сказать?

— Как что? Ты ведь у нас — председатель товсуда, товарищеского, имею в виду. Мнидиян с Хазиахмет-агаем — его полномочные члены. Вот я и требую — немедленно открывай свой суд!

— Но ведь, агай-эне, на повестке дня совершенно иной вопрос! Мы же должны говорить о зимовке скота...

— Скот твой никуда не убежит, а вот Мунавара от слов своих может ускользнуть, отказаться. Она вертихвостка известная, что налим, увертливая.

— Но ведь, агай-эне, на повестке дня...

— Давай, давай, Абсар, куй железо, пока горячо, — заинтересованно загалдела публика, настаивая на своем. — Раз суд, пусть будет суд! Пусть восторжествует правда, а несправедливость будет посрамлена. Окончательно и бесповоротно!

— Ну, если общество настаивает, — начал чесать затылок Абсар. И, окончательно решившись, гаркнул:

— Итак, агай-эне! Внеочередное заседание товарищеского суда считаю открытым! На повестке дня...

Перевел с башкирского
Сагит Сафиуллин

Пермские юмористы. Как и большинство соавторов — это люди совершенно разные. Бурцев — выше, Садриев — тоньше, Бурцев — моложе, Садриев — подвижней, Бурцев работает строителем-монтажником, Садриев — корреспондентом областной газеты «Звезда». Общее же в них то, что оба носят очки и смотрят через них на окружающий мир с улыбкой.

ЖЕЛЕЗЯКА

Раньше Семен Урдюков эту штуку и не замечал. Стоит себе железяка какая-то — и пусть стоит. Значит, нужно пройти есть место. Боком. А тут машину дров достал. Машина не проседет, она боком еще шире.

Пошел Семен в контору, у чьего забора эта штука винта разместилась. Прямо к директору. Так и так, говорит, забирайте свою технику. Мешает.

— Какую технику? — удивился директор. И вызвал главного инженера.

Вдвоем они долго смотрели из окна на железяку, помешавшую Семену, а потом вызвали вахтера.

— У нас кто-нибудь что-нибудь выносил? — спросил директор.

— Ни в жисть, — отвечивал вахтер и, не просыпаясь, ушел на пост.

— Ну вот, — обрадовался главный инженер. — Соседская, видимо,

И он кивнул на другую сторону дороги.

Соседский начальник самолично вышел посмотреть на безобразия.

— Нет, — сказал он, — у нас пропали инвентарные номера К-587 и Ш-023. А на этом и номера-то нет. Ты,

царя, топай-ка к дорожникам. Они в том квартале асфальт здесь укладывали. Да и по виду железяка ихняя.

Дорожно-строительный начальник аж завибрировал от радости:

— Где он, где? Мы его никак списать не можем! Слушай, а резину с него не посымали?

— Не было на нем резины, — сумрачно сказал Семен. — Одно железо...

— Не было, говоришь? — снял дорожник. — Тогда это не наше. У нас с резиной было... Ежели где пайдешь, звони. А насчет этой к газовикам сходи. Они после нас трубы прокладывали, раззявы.

Газовик сразу разочаровал Семена, заявив:

— Если это наше, то там еще и трубы должны лежать. Подторасти погонных метров. Без труб не возьму.

Зайдя еще по четырем адресам, Семен махнул на все рукой и заявился в «Утильсырье».

— Ничейная железяка, — соблазнял он приемщика. — Пудов на страшнопредставительсколько. Забери!

— Не могу. Ничейную — не могу. Вот кабы чья-то...

Семен закручился. Ноги сами занесли его в мужской отдел «Гастронома», и через час он был готов. Боком мимо железяки протиснуться не удалось. Он молча бил ногами штуковину, потом заплакал и уснул на ее холодной груди.

Утром его разбудил шурин:

— Слазь, мне домой пора ехать. Погостил — и довольно.

— Еще поживи! Не чужой ведь...

— Не могу. Вот из-за этой чурки. Слазь-ка, заводить пора.

— Так это твоя?!

— Не пешком же к тебе восемь километров отмахал. Вот на нем. Экспериментальный. «АЭЗП» кличут. Автомат экстренной заточки пил. Чай, меня с ним уж потеряли.

Он обнял Семена, лихо вскочил на железяку и д газу.

— Как же, потеряли! — пробурчал Семен и, сплюнув, пошел за дровами.

Алексей Генкин

Машинист котла теплоцеха Красноуральского меденплавильного комбината. Тут бы, казалось, не до шуток, а поди ж ты...

НЕ ТА КОТЛЕТА

Стены обеденного зала, в котором проходило собрание сотрудников столовой, буквально сотрясались, а в соседнем варочном цехе тревожно позвякивали о плиту пустые алюминиевые кастрюли. Насколько все были взволнованы, можно судить уже по тому, что на заседании явился даже гардеробщик Ершов.

— Товарищи! — поднял руку председатель. — Я, конечно, понимаю, такое всегда волнует, и все же прошу успокоиться и соблюдать порядок.

— А чего он коллектив подводит! — закричала уборщица Постникова.

— Прынцип, главное прынцип нарушил! — вставил сторож Халкин.

Виновник бурных излияний сотрудников повар Гусяткин сидел, понурившись, в первом ряду и, сопя, тер ладонью край стула.

— Стыдно рожете-то! — громко сказала кассир Говядина. — Ишь, глаза-то не кажет.

И зал снова зашумел:

— Гнать его в шею!

— И разговаривать нечего!

— Эдакое удумал!

— Тише, товарищи, — воспользовался небольшой паузой председатель. — Мы вот здесь сидим и справедливо возмущаемся. А кто, позвольте вас спросить, сигнализировал о том, что Гусяткин является на работу в нетрезвом виде? Вот то-то. Проглядели, упустили человека, и как результат...

— А может, все это так, показалось только? — послышался робкий голос из зала.

— Показалось?! — вскричала кассир Говядина. — Прибежала я в столовую без пятнадцати, припоздала малость, ну и схватила че под руку подало. Жую и чувствую: что-то не то. В руке котлета, а во рту — мясо. Поглядела — точно: в руке котлета. А во рту мясо. Кто, спрашиваю, готовил? Гусяткин. Подбежала — мать честная! — от него винищем тащит.

В зале повисла скорбная тишина.

— Ежели он такой умный, — нарушила молчание уборщица Постникова, — то пушай тогда и пол мост, и котлеты жарит.

— Гусяткин, — сказал председатель, — объясните товарищам, каким образом в котлеты попало мясо?

Гусяткин встал, шмыгнул носом и сказал:

— День рождения мы с брательником отмечали, перебрали малость, а вставать рано. Ну и...

— Что «ну», что «и»?

— Ну, и тово...

— Да что с ним разговаривать?

— Все ясно.

— Товарищи, — поднялся председатель, — прошу внимания. Здесь нужно смотреть в корень. Причиной поступка явилось пьянство, в котором повар Гусяткин был неоднократно замечен. Поэтому предлагаю ходатайствовать перед отделом внутренних дел о направлении его на принудительное лечение от алкоголизма. Кто за? Прошу голосовать...

Приближалась станция. Когда поезд начал замедлять ход, Корж спустился на подножку. Рынок — и он, сжавшись в клубок, покатился под откос. Поезд прошумел мимо и скрылся. Падая, Корж стукнулся головой о большую ветку, и теперь медленно приходил в себя. Вдруг вспомнил все, рванулся, чтобы встать, но в глазах потемнело, и он снова опустился на землю. Через минуту медленно поднялся, пошатываясь, подошел к ближайшему дереву и прислонился. Затем сбросил пиджак, оторвал рукав от рубашки, туго перевязал им голову и медленно двинулся в чащу леса. Боль стала терпимой, и Корж зашагал быстрее. Еще быстрее, еще быстрее, и вот он уже почти бежит.

«Скорее к Вашиной горке, а там вправо, по зимнику, и — на вырубку», — думает Корж. Мысли лихорадочно скачут, сталкиваются и разлетаются в пустоту.

Черт меня дернул сесть в этот поезд! Надо было напрямик через балку — и вся любовь. Неужели обойдут, неужели настигнут? Ну, нет. Шадишь, брат. Корж так легко не сдастся.

Вот и Вашина горка. Корж взобрался на кручу, взгляделся и нырнул в заросли шиповника. Ободрав лицо и руки, он выбрался к зимнику.

«Только бы выиграть время, — думал он, — двадцать, тридцать минут могут решить исход дела».

Вид у него был жалкий: разорванная одежда, кровоточащие ссадины на лице и руках, забинтованная голова. Сгиснув зубы, размазывая пот с кровью по лицу, Корж вытаскил нож и двинулся к вырубкам. Яркий солнечный свет бросился в глаза. Вот он, золотой каньон, вот она, земля обетованная! Душа ликовала: успел-таки, опередил. И Корж прохрипел:

— Не счастье алмазов в каменных пещерах, не счастье жемчужин в море полуденном.

Грибов было действительно несметное количество. Через полчаса мешки были набиты отборными опятами. На вырубках показались пассажиры с грибного поезда. По изможденному, но гордому лицу Коржа сползала слеза счастья.

Геннадий Семенов

Работал на Пермском моторостроительном заводе имени Свердлова токарем, мастером, редактором «Спутника Крокодила», единственного в стране заводского многотиражного сатирического журнала.

побоялись

Кладовщик Петров Пахом
Воровством построил дом.
И Петрова обсуждали,
На местке «правили».
Ох, ругали! Строгий дали!
— Ну, а дом-то отобрали?
— Нет, ему оставили:
Побоялись, что Пахом
Будет красть на новый дом.

РАЗНАРЯДКА

Осела учили ремеслу.
А ремесло зачем ослу?
Таскал бы ящички, куди...
Но вот, иначе не могли.
Учили...
Такую разрядку получили.

Работал буровым мастером в геологоразведке, хударком в районном Доме культуры, артистом разговорного жанра на эстраде, журналистом. В настоящее время — режиссер Свердловской студии телевидения. Выступал с рассказами в нескольких коллективных юмористических сборниках.

ТАКОЙ Я ХОРОШИЙ

Значит, так. Едва я появился на работе, меня тут же отвел в сторону приятель, но уже исполняющий обязанности.

— Слушай, старичок. Сегодня заседание тарификационной комиссии... Учти сразу: первой категории тебе не видать. Знаю точно: это решено. Так что предупреждаю: на рожон не полезу, тут я — пас. Нет, «против» я не буду, но — «воздержусь». Сам понимаешь — зачем против вогра... Но я к тебе по-прежнему!.. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

Потом меня вызвал старший.

— Вот что, друг-приятель... Сколько мы с тобой вместе трудимся?

— Да лет десять без малого.

— Вот именно. Без малого. Десять. Ты знаешь мое к тебе отношение. Знаешь? Или нет?

— Знаю.

— Какое?

— Ну, нормальное. Хорошее.

— Вот, Хорошее. И все это знают. Сразу начнут попреки: лучший заказ — любимцу!.. Короче, чтоб никто нячего — сделай ты эту копеечную работу, от которой все отказываются... Ладно! Именно потому, что ты знаешь,

как я к тебе отношусь!

А тут предместкомом павстречу. Мы его месяц назад выбрали. До этого в отделе вместе работали.

— Здорово! — говорит. — Тебя-то мне и надо! Слушай, путевка тебе никак не получается... В принципе она есть. Но все же знают, что мы с тобой приятели. Пойдут разговоры... Слушай, давай в другой раз, а? Только без обид! Ты же знаешь, как я к тебе отношусь!

В буфете наша полица-кормилица подсунула мне вчерашние бутерброды и шепнула:

— Будь другом, доешь!.. Свежие будут позже, а эти куда?.. Других мне просить неудобно, а ты — свой.

Едва я вошел в наш гордастый двор, как невидимый наблюдатель завопил:

— Внимание! На горизонте дядя Гела из тридцать второй! Он добрый, не обидится!.. Давай!!

И с козырька подъезда на меня рухнула снежная лавина...

Мокрый, злой и молчаливый, я поднялся на лестничную площадку. И тут под дружный смех хозяев из соседней квартиры выкатился метровой породистый шенок и играючи спустил с меня брюки. Соседи мило охнули, принесли искренние извинения и заверили меня в своей глубочайшей лояльности.

Вечером зашли стародавние приятели. Много интеллигентно шутили, выжили припасенный ко дню рождения копылок «Ереван», заняли на неопределенный срок четвертную и отбыли за полночь, предварительно констатируя, что они, как всегда, меня уважают.

Утром явилась жена и с порога заявила, что она никого никогда не любила так, как меня, и уже не будет любить. И что именно поэтому только я смогу ее понять. В общем, Сеня Перчаткин может просто погибнуть, и, чтобы его спасти, она из высокой любви ко мне уходит к Сене. И она ушла.

Удивительно хладнокровно собираюсь на работу, иду

на остановку. Голова ясная. Ноги пружинят. Во всем теле тулкая пустота и свежесть.

«Все. Хватит. Долой мягкотелость и прекраснотушию. Перехожу к действиям. Прежде всего... Вот сейчас возьму и всаду в автобус без очереди!»

Я решительно шагнул к двери. Но... тут пришлось подсадить бабушку слева. Потом уступить женщине с зонтиком. Затем девушке с глазами... Дама с усами выгеснила меня сама. Последним ввинтился в пробку обладатель лыжиновой шапки с акцентом и насморком. Двери натужно сомкнули челюсти, и автобус, переваливаясь, словно утка на сносях, осторожно покотился.

А из кабины водителя, будто персонально для меня, транзистор дорывал в ключья страсти голосом Софии Ротару: «Начни сначала!.. Начни с нуля!..»

Геннадий Кобуч

Под таким псевдонимом скрывается монтажник-высотник треста «Уралэлеваторстрой» Геннадий Пономарчук. Живет в поселке Заречном Белоярского района Свердловской области. Первые юмористические рассказы опубликовал в журнале «Урал».

В ОГНЕ — СГОРИШЬ

Перед тем, как начать зачищать стык нержавеющей трубы, я пергнулся через витраж, чтобы выбросить окурок. И вдруг увидел внизу человека. Его лицо было трудно разглядеть. Но по крадущейся походке, по тому, как вертел он головой по сторонам, я безошибочно догадался, что это — инженер по технике безопасности

В сердце запыло:

— Опять недоэкономили фонд зарплаты. Разряды будут снимать.

И стал я лихорадочно готовиться...

Когда он подошел, я был полностью экипирован и имел вид космонавта. На голове каска, на глазах очки. Рот с посом мне закрывал респиратор, так что летящая искра уже не могла принести в будущем врачам беспокойство. А негнушавшаяся брезентовая роба, резиновые сапоги и перчатки спасали меня от тока.

И хотя я стоял на стремянке на высоте всего одного метра — все равно карабин монтажного пояса был на дужку прицеплен к балке.

Инженер внимательно осмотрел стремянку. (Со мной все было в порядке.) Пальцем пощупал резинки, прибитые снизу на ее концах. Да, это были электрические резинки, а не подметки от бабушкиных башмаков. Вдохнул и с надеждой в голосе спросил:

— А удостоверение у тебя есть?

— Есть, — и показал ему удостоверение.

— Это общее. А специальное, на допуск работы со шлифмашинкой?

Было у меня и специальное удостоверение.

С женщиной — инженером по эстетике — я справился играючи. Увидев, что защитный кожух шлифмашинки окрашен в красный цвет, она спросила:

— Помогает?

— Очень, — сказал я. Как главу на него, так и стоит перед глазами вымпел лучшего по профессии, за который борюсь.

Удовлетворенно кивнув головой, она ушла. А я полез за папиросами.

— Можно?

— Пожалуйста, — протянул я папку мужчине-социологу.

— Ну как жизнь? — спросил он.

Свердловский поэт-пародист, сотрудник областной молодежной газеты «На сме-ну!» Автор книжки пародий «Всяк по-своему», выпущенной Средне-Уральским книжным издательством.

Пародии

СУДЬБА-ЗЛОДЕЙКА

И я скажу любому, между прочим:
Как интересно быть разнорабочим,
Бензин носить, весть вещь прибор носить,
Капавы рыть...

Олег Дмитриев

Я шел по скалам, рекам и болотам,
Меня везло, кидало и трясло.
И где я только, братцы, не работал
Любой квалификации пазло!
Я рыбу ел почками на привале,
Шел наметке по тундре вековой.
Мне рыть канавы даже поручали,
Грузить мешки и бегать за водой!
Я жег костры, скитаясь бородатым,
Ломал дрова, вривался в бурелом...
Я и теперь бы вкалывал лопатой,
Когда б не приспособился... пером.

ЖИВИТЕЛЬНАЯ СИЛА

И вечно славлю тяжесть кулака,
Который ежат
В защиту права думать.

Юрий Лобанцев

Я славлю мудрость кулака,
Его живительную силу,

— Ничего, — ответил я.

— Сынишка хулиганит поди? Во дворе стекла бьет?

— Ну что вы. Отличник он у меня. А что с сиянками ходит, так это он в школьной дружине состоит. Курльшиков ловит. Достается парню.

Социолог чиркнул спичкой. Прикурил потухшую папиросу.

— Ну, а гости вчера, в воскресенье, были?

— Были, — говорю.

— И много выпили?

— Два самовара чая.

— Водочки лучше бы, — заметил он.

— Правда, — подтвердил я. — Только вы мою жену не знаете!

Мы пожали друг другу руки и расстались друзьями.

Работа так и заиграла в моих руках, как солнечный зайчик на стене: весело и радостно. Фаски из-под машинки выскакивали чистенькими и исключительно круглыми.

Осталось каких-то полчаса до конца смены, как царуг залетел пожарник.

— Свою сбрую ты можешь скидывать, — разрешил он. — Ответственности я за тебя не беру. Даже, если ты будешь гореть синим пламенем. А вот за зданье...

И он потребовал у меня разрешение на производство огневых работ. Я протянул ему бумагу. Но стихия тем и коварна, что не ожидаешь, с какой стороны ждать опасность.

— Противопожарной жидкостью пропитал? — спросил он.

Ну откуда я мог предполагать, что бетонный пол, на котором мы стояли, в пожарных инструкциях прямо-таки любимое блюдо для огня?

Пожарник что-то записал в свою книжечку и ушел. Я понял, что разряд мой на этот месяц снизят наверняка. В воде не утонешь, в огне — сгорить.

Спи, мой мальчик, час не ранний...
 ... твой отец стоит в спецовке
 около огня.
 Прикипел отец к металлу,
 а металл к нему.

*Владимир Назин
 «Колыбельная»*

Спи, мой мальчик распрекрасный,
 Баюшки-баю.
 Я про двигатель трехфазный
 Песенку спою.
 Пусть грохочет вентилятор
 И гудит мартен.
 Волком воет экскаватор
 У фабричных стен.
 Твой отец надел спецовку,
 Скачет, словно конь.
 В домне ладит футеровку,
 Чтоб горел огонь.
 Он придет, минуя слякоть,
 Обойдет проран.
 Спи, мой мальчик, это слябинг
 Выполняет план.
 Папа трудится на стане —
 Это знаю я.
 У него разливка стали
 Непрерывная.
 У него сегодня плавка,
 Выдаст он металл.
 Будет премия из главка
 Пале за квартал.
 Спи, давно уснули люди,
 Баюшки-баю.
 Тихо смотрит старый блюминг
 В колыбель твою.

Что думать гениев учила
 Еще в минувшие века.
 О подзатыльник удалой,
 Великий двигатель прогресса!
 Ты помогаешь интересней,
 Яснее думать головой.
 Я славлю прелести пинка,
 Щелчка, толчка и тумака.
 Все это мыслить помогает.
 Так пусть живет и процветает,
 Пусть нас ведет и нам мигает
 Свет негасимый синяка!

ВСЯК ПО-СВОЕМУ

Избы стоят.

Лес растет.

Конь пасется.

Посвистывают птицы...

Любовь Ваганова

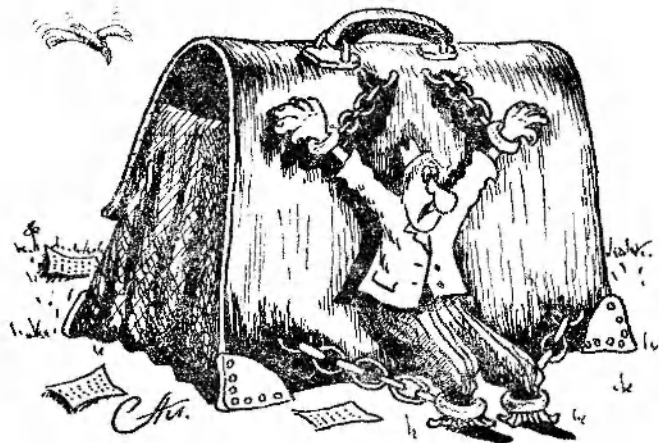
Изба стоит. Пстух поет.
 В поленище дрова.
 Пасется лошадь. Дождь идет.
 В степи растет трава.
 Огонь горит. Барбос рычит.
 Чернеет огород.
 Читатель спит. Поэт творит.
 Издатель издает.

СВОЙСКИИ

Сибирский я,
Отмеченный,
Кондовый.
Я в землю врос
Корнями кедрача.

Николай Денисов

Пройдя пешком
По городам и весям,
Я не загиб
От жизни от лесной.
Тюменский я,
Посконно-
Деревенский,
От головы до пяток
Дровяной.
Кореньями ушел
Глубоко в землю,
Сижу, смотрю
В окошко на стога.
И как появится
В округе зелень —
К бумаге сразу
Тянется рука.
Пускай, как говорится,
Я не повый.
И стиль и слог
Взошел от деревень.
Зато я свой,
Отмеченный,
Кондовый,
С всчатью круглой
«Маде ин Тюмень».

Преподаватель Курганского сельскохозяйственного института. Кандидат философских наук. Его девиз: юмор — на уровень диссертации, но не диссертация — на уровень юмора.

КАК ВЗДРЕМНУТЬ НА ЛЕКЦИИ

(наш педагогический практикум)

Для студента этот вопрос решается довольно просто: массивные очки плюс поза глубокой задумчивости — и маскировку можно считать достаточной. Иное дело — преподаватель. Чтобы вздремнуть на собственной лекции, ему необходимо преодолеть две трудности. Первая заключается в том, что лекцию принято читать стоя. Вторая состоит в том, что во время лекции надо что-то говорить. Некоторым эти трудности кажутся непреодолимыми, и они смиряются со своей судьбой и с необходимостью тратить лучшие часы жизни без всякой пользы для себя. Другие смотрят на вещи не столь мрачно. Они проявляют больше изобретательности и настойчивости, полагают — и не без оснований, — что обе указанные трудности вполне преодолимы.

Прежде всего надо научиться спать стоя. Сон в вертикальном положении в общем-то не труднее, чем в горизонтальном, но неопытного человека может подвести чувство равновесия. Курс тренировок по специальной методике поможет ему обрести умение спать стоя. Тренировки по засыпанию в вертикальном положении лучше всего начинать, уцепившись за какой-нибудь надежно закрепленный предмет у себя над головой. Желательно, чтобы новичка при этом поддерживали со всех сторон несколько человек. Идеальным местом для таких перво-

(несколько советов начинающему преподавателю)

начальных тренировок является общественный транспорт. Когда засыпание стоя с поддержкой освоено, можно переходить к следующему этапу — слу в вертикальном положении без поддержки. После того, как и эта стадия успешно пройдена, начинайте учиться произносить лекцию в состоянии сна. Непосвященному человеку такая задача кажется невыполнимой, но если он посмотрит вокруг себя внимательным взором, то убедится, что совмещение сна с работой — широко распространенное явление. В сущности, людей, которые умеют спать на работе, — не счесть. Когда вы обращаетесь к продавщице универсама с просьбой показать вам галстук, а она сохраняет при этом монументальное спокойствие, знайте, что вы поступаете весьма бестактно, мешая человеку спать. Если диктор объявил о прибытии поезда после того, как он ушел, не рвите на себе волосы — издержки совмещения сна с работой неизбежны. Ну и когда некий оратор произносит с трибуны речь, смысл которой остается тайной для него самого, то это — тот же случай.

Секрет совмещения сна с говорением довольно прост. Все дело в принципе кинематографа. В кино ряд прерывисто сменяющихся друг друга изображений создает впечатление непрерывности из-за большой скорости смены кадров. Точно так же достаточно быстрое чередование сна и бодрствования поможет вам создать у слушателей иллюзию того, что вы не спите. Например, вам надо произнести фразу «Волга впадает в Каспийское море». Произнося слово «Волга», вы можете слегка вздремнуть. На слове «впадает» надо проснуться. На предлоге «в» необходимо начать процесс засыпания с тем, чтобы к слову «море» вновь бодрствовать. И так далее.

Вот, собственно, и все. Остается только пожелать всего хорошего тем, кто научился квалифицированно спать на лекциях.

Сейчас повсюду говорят о повышении успеваемости студентов. Предлагают разные пути и методы, но при этом забывают об одном существенном резерве. Конкретно я имею в виду совершенствование методики приема экзамена.

Наиболее эффективный способ проверки знаний студентов — это, конечно, экзамен по телефону. Он позволяет достичь высочайшей успеваемости, но, к сожалению, не нашел достаточного распространения. Но даже если следовать традиционному методу приема экзамена, можно при желании добиться прекрасных результатов. Надо только соблюдать некоторые методические правила.

Основная ошибка экзаменаторов — предубеждение против различных справочных материалов, которые наше славное студенчество имеет склонность приносить с собой в аудиторию. Это предубеждение — пережиток, оставшийся нам в наследство от того времени, когда студента можно было выгнать даже за неуспеваемость. Теперь положение прямо противоположное, и о своем будущем нужно заботиться в первую очередь преподавателю. Так что экзаменатор должен иметь достаточно такта, чтобы не мешать студентам при подготовке к ответу пользоваться дополнительными источниками информации. Если студент (что бывает, правда, крайне редко) попытается при этом некоторое смущение, лучше всего под благовидным предлогом покинуть аудиторию.

Кроме того, преподавателю необходимо научиться преодолевать типичные трудности, которые возникают в ходе беседы со студентом. Эти трудности сводятся к трем основным случаям: 1) студент отвечает не по вопросу; 2) студент говорит неизвестно что; 3) студент вообще ничего не говорит. Во всех трех случаях задача экзаме-

натора — отыскать рациональное зерно в ответе. Студента, который отвечает не по вопросу, рекомендуется похвалить за хорошее знание другого вопроса. В ответе того, кто несет неизвестно что, всегда можно найти что-нибудь такое, с чем нельзя не согласиться. Несколькo сложнее принимать экзамен у студента, который вообще ничего не говорит. Тут преподаватель обязан со всей решительностью высказать ему свое порицание за чрезмерную краткость ответа. Ни в коем случае нельзя проявлять по отношению к такому студенту снисходительность. Тройка — вот единственное, чего он заслуживает.

В заключение, коллеги, позвольте выразить убеждение в том, что овладение описанными здесь методическими приемами гарантирует каждому, кто посвятил свою жизнь благородной задаче подготовки кадров высшей квалификации, репутацию эрудированного, хорошо подготовленного и — главное! — объективного преподавателя.

Анатолий Попов

Родился в Нижнем Тагиле. Закончил горно-металлургический техникум. Работал на Уралвагонзаводе электриком, сверловщиком, мастером. В настоящее время — редактор газеты Нижне-Тагильского химического завода. На всех постах ему было свойственно чувство юмора.

ПО ЛИЧНОЙ ПРОСЬБЕ

Синяева Сашку охватило волнение — сильное, пронизывающее: он приближался к родной школе, в которой не был — после ее окончания — четыре года. «Как-то меня встретят?» — думал он.

В школу Синяев вошел на цыпочках. Было тихо. Техничка тетя Света мыла в фойе полы.

— Здравствуйтесь,— подойдя к ней, робко проговорил Сашка.

Тетя Света обернулась, взгляделась.
— Синяев?!

Сашка улыбнулся, радуясь тому, что его узнали. Но техничка глядела далеко не приветливо.

— Зачем пожаловал? — спросила она. — По школе соскучился?

— Честно сказать, соскучился, — ответил, покраснев, Сашка. — Но вообще-то пришел по делу.

— По делу? Знаем мы твои дела: окна бить, хулиганить, учителям нервы трепать. Давай-ка, милый, ступай восвояси.

— Тетя Света, — стушевался Саша, — с баловством, хулиганством покончено. Выслушайте меня...

Но тетя Света не захотела слушать. Держа лентяйку перед собой, она двинулась на Сашку:

— Ступай, ступай. Наплакались мы, пока ты учился, так хоть сейчас избавь от своего присутствия.

Хлопнула дверь, щелкнул замок.

«Прекрасно! Лучшее куда встретили! — подумал с обидой Синяев. — Хоть домой топай!»

Сашка вспомнил, как когда-то он проникал в школу через кухню столовой.

Стояла теплая солнечная погода. Обходя школу, Синяев с нескрываемым интересом смотрел в распахнутые окна первого этажа: в нескольких классах царила рабочая обстановка. «Осенники», — отметил про себя Сашка и припомнил, как сам оставался на осень.

Приближаясь к кухне столовой, Сашка услышал лай собак. Выскочив не то из сарая, не то из парников, они помчались прямо за ним. «И псы меня не терпели! Может, узнали, черти?» До входа в кухню оставалось примерно метров тридцать. И Сашка рванул...

«Ай да молодец! — похвалил он себя, влетая в полутемный коридор кухни и захлопывая за собой дверь. — От укусов спасся-таки!»

Влетев, Сашка угодил в огромные пустые баки, стоявшие пирамидой. «Эх, — пронеслась мысль, — колн не повежет, так до конца!»

На грохот развалившейся пирамиды выскочила шеф-повар, за ней вышла заведующая. Включили свет.

— Сняев, ты?! — вырвалось у женщины одновременно.

— Я. Здравствте... — выдавил, поднимаясь с пола, вздохмаченный Сашка.

Через минуту-другую появились завуч, директор. За ними не пришлось долго ходить — они обседали в зале. Сашка молчал. Ни директор, ни завуч тоже не могли от удивления заговорить.

— А мы, Сняев, — сказала наконец с волнением директор, — пригаться, а тебе забывать стали. Правда, ты кос-кому из нас все же сидишься.

— Милицию, может, вызвать? — испнула шеф-повар.

— Не надо милицию, пожалуйста, — Сняев покраснел. — Я не хотел так...

И Сашка рассказал, как его не пустила техничка тетя Света и что из того получилось.

— С этим дело, — сказал директор, — но по какому все-таки делу ты шел в школу?

— Ах да! — спохватился Сашка. — Совсем запамятовал!

Вынув из кармана документы и протянув их, проговорил тихо:

— Преподвателем физики к вам направляюсь. После окончания пединститута. Личную просьбу при распределении удовлетворили.

Прошло полгода, как женился сын Аркадия Петровича — Сашка, живший теперь со своей супругой на другом конце поселка. За это время Сашка ни разу не проведаль своих родителей.

— Как отрезали! — говорил часто в сердцах Аркадий Петрович жене Варваре Семеновне и сверлил взглядом висевшую на стене фотографию сына.

И вот однажды Сашка явился.

Варвара Семеновна обрадовалась, засуетилась, прилялась накрывать на стол. Аркадий Петрович тоже был рад, но вида не подавал.

— Заприжаловал? — сердито буркнул он. — А раньше не мог? Или в утильсырье нас списал?

— Да что ты, бать, — улыбнулся Сашка, — скажешь тоже. Дела все. Дела, понимаешь? — Он схватил отца и, точно пушинку, поднял на руках. Опустил.

Аркадий Петрович отмахнулся, как от шмеля.

— Да не сердись, бать. Говорю же, дела держали. Вот выкроил время, на рыбалку на воскресенье пришел приглашать. Пойдешь?

...Воскресный день выдался теплый. Отец и сын сидели на своем излюбленном месте. Аркадий Петрович, соскучившийся по рыбалке (до Сашкиной женитьбы он только и пропадал с ним на озере, без сына рыбачить не ходил), был счастлив.

— Бать, — промурлыкал Сашка, придвинувшись вплотную к отцу, — я лодку с мотором надумал покупать.

— С мотором — это хорошо, — пропел Аркадий Петрович. — С мотором это не то что без мотора: весло туда, весло сюда. Покупай, сын.

— Да я б с удовольствием, — крикнул Сашка, — только понимаешь, трехсот рублей не хватает. Может, одолжишь, а? С возвратом.

— Да ладно уж. Без возврата обойдусь. Подумаешь,

на курорт летом не съезду.

Саника взвизгнула.

— Ну, бать, самым первым моим пассажиром будешь! Завтра же!

Месяца через три Аркадий Петрович бегал трусцой мимо Варвары Семеновны и выкрикивал:

— Четвертый месяц носа не кажет! И кого только ты мне породила!

Накричавшись, набегавшись, он успокоился и опустился на стул.

— Как считаешь, мать, — выдохнул он, — когда этот душегуб придет? И придет ли вообще?

— Придет, — послышался ответ. — Куда ему деться-то? Не сегодня-завтра зайвится. Мотоцикл, слышала, надумал он купить.

Зульфар Хисматуллин

Уфимский писатель. Десять книг своих рассказов издал в одиночку и, наконец-то, оказался в коллективе...

ВОТ ТАК ГУСЬ!

Однажды в нашу двухкомнатную квартиру позвонил молодой человек и, войдя, протянул записку: «Приюти моего Салимьяна на время сдачи вступительных экзаменов. С приветом Гарифьян», — прочел я, и теплая слеза радости, приправленная воспоминаниями далеких лет, скользнула по щеке. То писал друг моего детства, с которым мы не виделись целую вечность.

Вытерев со щеки сентиментальную влагу, я взглянул на парнишку и обомлел: точнейшая копия отца!

— Проходи, Салимьян, будь как у себя дома!

Не по-деревенски смело пройдя в переднюю, парень

открыл свой чемодан и извлек из его недр жареную курицу.

— Это вам гостинец! — гордо сказал он.

— Спасибо, сынок, — проговорил я. — Курица — вещь питательная.

По окончании вступительных экзаменов сын друга моего детства подался в деревню. А за два дня до начала занятий в институте снова объявился у нас. В коротенькой записке Гарифьян извещал: «Если не возражаешь, пусть Салимьян с месячишко пробудет у тебя. Общежитие у них пока не построено».

— Какие могут быть разговоры! Живи хоть целый год! — сказал я.

Правда, с его воцарением в нашем доме возникли некоторые неудобства. Из-за нехватки квадратных метров своих дочек мне пришлось отправить на жительство к малолетнему свояку...

Пять лет, что у нас прожил Салимьян, промелькнули незаметно. Дочка я паредал по воскресеньям.

Получив диплом, сын друга моего детства отбыл к месту назначения. И с тех достопамятных пор ни слуху от него, ни духу.

Но вот однажды в нашу квартиру позвонили. Я открыл. На пороге стоял незнакомый парень. Он протянул мне записку: «Приюти моего Бикьяна на время сдачи вступительных экзаменов. С пламенным сельскохозяйственным приветом Салимьян», — прочел я и, взволнованно взглянув на парнишку, обомлел: то был вылитый Салимьян!

Тем временем юноша проворно запустил руку в свой чемодан и вытащил из его недр огромного, покрытого розовой поджаристой корочкой... гуся.

— Это вам гостинец! — сказал он с еле заметной учтивостью в голосе и элегантно провисел в гостиную.

С башкирского перевод
Сагат Сафиуллин

Илья Герчиков

*Врач-стоматолог из Челябинска. Считает,
что лечат не только бормашины, но и
юмор.*

МОРАЛИЗМЫ

Основное препятствие в беге от инфаркта — инфаркт.

Она была убеждена, что тайну надежнее хранить коллективными усилиями.

Не приобретающий лотерейных билетов выигрывает наверняка, но мало.

Свою длину гнул так упорно, что она превратилась в порочный круг.

В споре с редактором рождается истина: не спорь с редактором.

Критик, обливающий автора медом, редко удержится от соблазна вывалить его хоть немного в перьях.

Общий наркоз особенно удобен тем, что лишает больного возможности давать советы врачу во время операции.

Биться головой об стену — еще не значит сочетать физический труд с умственным.

Иногда больничный листок отличается от фигового лишь тем, что подлежит оплате.

Если любовь является состоянием возвышенным, то брак, увы, лишь гражданским состоянием.

Кто способен бережнее плагиатора донести мысли автора до читателей?

Непотопляемость предприятия — в отсутствии текучести кадров.

Диалог между начальником и подчиненным — чаще монолог.

Простой способ продлить человеческую жизнь — не укорачивать ее.

СОДЕРЖАНИЕ

Е. Дубровин.	Как укротить Семеркину?	3
В. Петенкин.	Разговор в универсаме	4
	Лодырь как полезный член коллектива	6
О. Костман.	То ли еще будет	8
	Самое главное	10
А. Куличкин.	Черная пантера	11
М. Воловик.	Чиновник и ночка. Труд и сляка	14
Ф. Вибс.	Три материальных помощи	17
	Случай в редакции	19
Б. Матюнин.	Правда	22
	Любимое уравнение	24
А. Петрин.	Светский разговор	26
А. Гирфанов.	Странная папка	31
Д. Клешев.	Размышление. Она, она...	34
А. Пляхин.	Заметим по секрету	35
	Не отрекайтесь от курения!	36
Р. Мазитова.	Сказать правду льду	39
С. Нестеров.	Как крутить гайки	43
	Жить можно	44
М. Немченко.	Го-о-о!	46
Б. Сексевич.	Дискуссия в литобъединении	48
	Все точно. Эпиграфия формалисту	49
В. Огнев.	Украли короля	52
	Колыша женится	54
Е. Мальгинюв.	Дело техники	56
Б. Кудрявцев.	Уложить две трубы	59
	Спокойненько, без горячки...	62
В. Сапожников.	Шик-модерн	65
	Выручай, Шляпки!	66
Г. Дробиз.	Дорогие черты	68
О. Рудин.	Каламбуры	75
В. Сибирев.	Дамоклов меч	76
	«Профессионал»	77
Л. Золотайкин.	Жертвы профессий	80
Г. Подкупняк.	Перпетуум-мобиле	82
	Счастливых поездок!	85
А. Чепуров.	Учебная езда	88
Р. Шипулин.	Простой выход. Скромный герой. Компромисс	91
	Между прочим. Головоломка. Акселерация	92
	В овечьей шкуре. Яблоко Ньютона	93

Э. Якубовский.	ЭВМ и удача	96
С. Туляцын.	Аттракцион	99
В. Свиринов.	Иллюстрации	100
В. Постоев.	Каждому — свое. Свердловским работам	105
	Подражания И. И. Тарабукину	106
В. Рокух.	А боги живут рядом	109
М. Шварц.	Пятнадцать суток рая	112
Б. Воробьев.	Как можно? Желе	115
Л. Чернышов.	Рубан	116
А. Чудинов.	Из дневника старого молодого писателя	120
С. Матюшин.	Не ходи на работу!	123
	Дави в-ль!	125
В. Козловский.	Сталь работы	126
В. Костромин.	Пеняли. Как не помнить!	127
Р. Шагалева.	Против ветра	128
Б. Львов.	Седина в бороде	129
	Слово за слово	130
М. Каримов.	Железяка	134
С. Бурцев, И. Садриев.	Не та котлета	136
А. Генкин.	Погода	138
	Побоялись. Развратка	139
Г. Семенов.	Такой я хороший	140
В. Богданович.	В огне — сторишь	142
Г. Кобуч.	Пародия	143
В. Аищенко.	Как вздремнуть на лекции	144
Р. Лифшиц.	Как достичь хорошей успеваемости	144
	По личной просьбе	147
А. Попов.	Лодка, моторчик и плавание	147
	Вот так гуся!	148
З. Хисматуллин.	Морализмы	149
И. Герчиков.		149

УРАЛ УЛЫБАЕТСЯ

Составитель

Феликс Иванович Бибе

Редактор *В. В. Весселов*

Художник *Н. Н. Крутиков*

Худож. редактор *В. В. Штукатуров*

Техн. редактор *О. Я. Понятовская*

Корректор *С. М. Кадомникова*

ИБ № 929

Сдано в набор 28.12.82.

Подписано к печати 30.05.83.

ФБ04428, Формат 10×163/32.

Бумага тип. № 2. Шрифт литературный.

Фотонабор. Печать офсетная.

Усл. п. л. 7,17. Усл. кр. отт. 7,52.

Уч.-изд. л. 6,55. Тираж 50 000 экз.

Заказ № 179. Цена 45 к.

Южно-Уральское

книжное издательство,

454113, г. Челябинск,

пл. Революции, 2.

Курганское отделение.

Областная типография

Челяб. обл. управления издательств,

полиграфии

и книжной торговли,

454000, г. Челябинск,

ул. Творческая, 127.